ВЕРОНИКА МЕФИСТ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ВАЙОЛЕТ.

Узнай

СКАЖИ "СТОЙ", И Я ОСТАНОВЛЮСЬ

Вероника Мефист

Вайолет. Узнай

«Автор»
2026

Мефист В.

Вайолет. Узнай / В. Мефист — «Автор», 2026

Она:Со стороны моя жизнь идеальна. Парень — капитан футбольной команды. Подруги с детства. Дом на острове, где по ночам горит зелёный маяк. А потом папа женится, и в комнате за стенкой поселяется он. Мой сводный брат.Он:Четырнадцать ступенек до её двери. Пятьдесят восемь ударов в покое, сто двенадцать — когда она входит. Фальшивый профиль я завёл раньше, чем увидел её вживую. Я знаю, что Мэтт ей изменяет. И молчу. Пока.В ночь восемнадцатилетия сводной сестры, он на глазах у других ломает её парню челюсть и руку. Его мать мило улыбается и следит за каждым их взглядом. А в Бостоне осталась история, за молчание о которой уже заплатили.Он дал ей одно слово: «стой». Скажи — и он остановится.Вайолет ещё не знает, захочет ли его сказать.Но она узнает всё остальное.

© Мефист В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 25
Глава 6 31
Глава 7 36
Глава 8 41
Глава 9 45
Глава 10 47
Глава 11 54
Глава 12 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Вайолет. Узнай

Предупреждение

Книга предназначена для читателей старше 18 лет. Все персонажи откровенных сцен совершеннолетние.

В тексте есть: преследование и слежка, психологическое и физическое насилие, гибель родителя, авария, мысли о самоубийстве, алкоголь, курение, откровенные сцены, нецензурная брань.

Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечёт уголовную ответственность.

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Добро пожаловать на Плам-Айленд.

Глава 1

Некоторые дикие фиалки, например галмейная, устойчивы к тяжёлым металлам. Они укореняются и цветут на почвах, отравленных цинком и свинцом, там, где гибнет большинство других растений.

Пепел оседал на деревянные ступени террасы и тут же темнел от сырости. Сумерки подступали с океана. Я затянулась ещё раз, так глубоко, что закружилась голова.

Чёрт, и почему я вообще нервничаю?

Мне хотелось выжечь из груди эту тяжесть, которая давила весь день. Мне хотелось сбежать из собственного дома. Отец уехал пару часов назад за своей новой женой и её сыном. Их вещи привезли ещё с утра, и наша гостиная напоминала мне склад на барахолке.

Я сидела на задней террасе, выдыхала дым сигареты и смотрела на маяк Плам-Айленд. Я подумала, что было бы неплохо, если бы какая-нибудь огромная волна прямо сейчас смыла меня прямиком в океан. Очень заманчивая перспектива. По крайней мере, это избавило бы меня от необходимости разыгрывать перед отцом счастливую дочь. Но, пожалуй, они не заслужили такого роскошного подарка в первый же день.

Придётся жить.

И тут услышала, как к дому подъехал и заглох мотоцикл.

Прекрасно. Кажется, «братец» решил явиться отдельно, не дожидаясь эскорта.

Я крутанула фильтр между пальцами, гася тлеющий огонёк о подошву кеда. Вместо того чтобы зайти в дом, он пошёл на пляж. Наверное, хотел сразу проверить, куда его притащила мать. Он шёл через дюны уверенным шагом, по тропинке, которая вела прямо под нашу террасу.

Там он поднял голову и заметил меня. Из-под растрёпанных тёмных прядей на меня уставились холодные светлые глаза. Как у волка. Взгляд прошёлся по моим голым ногам, по шортам и остановился на окурке у меня в пальцах. Лицо у него ничего не выражало, а мне стало не по себе. Меня передёрнуло, и дело было не в ветре с океана.

Он приподнял бровь и спросил:

— Папочка не отругает за курение?

Я закатила глаза. Наглости ему было не занимать, а ведь я видела этого парня впервые в жизни. На свадьбе отца и Элеоноры два месяца назад его не было — «братец» тогда в очередной раз сбежал из дома, надеясь испортить праздник матери. И Элеонора умоляла отца подождать с переездом, пока она не наладит отношения с сыном.

— Папочка сейчас занят тем, что везёт твою мать сюда, Крейн, — я выдержала его взгляд, не поведя и бровью. — Так что иди куда шёл.

Он усмехнулся одним углом рта. Глянул на окурок ещё раз, потом мне в лицо и задержался на нём дольше, чем следовало.

— Грозная какая. Рад наконец познакомиться, сестрёнка, — хрипло сказал он и пошёл к океану. А я стояла и смотрела ему в спину.

И что это сейчас было? Какая нахрен «сестрёнка»? Да, отличное вышло знакомство.

Смысла стоять на улице больше не было. Я повернулась к стеклянной двери, собираясь зайти в дом, когда со стороны подъездной дорожки послышался шорох гравия. Фары отцовского внедорожника осветили дом. Приехали.

Я зашла внутрь и направилась к главному входу. Выглянула в окно, наблюдая, как отец глушит мотор и тут же выскакивает из салона, чтобы обежать машину и открыть пассажирскую дверь для своей новой жены. Для Элеоноры у него, как обычно, был приготовлен целый арсенал идеального джентльмена. Тошнотворное зрелище.

Мачеха вышла на дорожку — безупречная, в светлом тренче, несмотря на то что конец августа выдался достаточно жарким.

Отец что-то весело шепнул ей на ухо, и они вместе направились к парадному крыльцу. О сыне Элеоноры, который бросил свой ядовито-зелёный байк у гаража и ушёл к воде, они, кажется, даже не вспомнили.

— Вайолет! Нам нужна помощь с сумками! — долетел до меня бодрый голос отца, едва они переступили порог.

И почему опять Вайолет?

Я тяжело выдохнула, натянула на лицо максимально радушную мину, поздоровалась с Элеонорой и забрала у неё из рук увесистую и дорогую дорожную сумку. Я уже развернулась к лестнице, когда сзади на меня упала чья-то тень. Из-за плеча протянулась большая татуированная рука и легко перехватила у меня ручки.

Я резко обернулась и едва не уткнулась носом в его грудь. Обдало жаром. Косуху он уже успел скинуть прямо на диван в гостиной, оставшись в одной чёрной футболке. Чтобы посмотреть ему в глаза, мне пришлось сильно задрать голову. Парень был огромным. Он заслонил собой свет люстры! А из-под тёмных растрёпанных волос на меня опять смотрели светлые серые глаза.

Адам не двигался, заставляя меня кожей чувствовать тепло. Он стоял слишком близко и разглядывал меня — оценивающе, без тени смущения. Со стороны это наверняка выглядело странно, но родители в этот момент были заняты сумками Элеоноры.

Я хотела оттолкнуть его, но взгляд зацепился за то, что творилось у него под ногами. И я намертво застыла.

Светлый ковёр в гостиной. Мамина святыня, которую отец клялся не трогать. Единственное место во всём особняке на Резервейшен-Террас, где ещё не воняло новой жизнью.

Прямо по белоснежному ворсу тянулась уродливая цепочка следов от его тяжёлых ботинок. Мокрая грязь, перемешанная с обрывками чёрных гнилых водорослей и песком. Жирный, сучий плевок в лицо нашему пятилетнему трауру.

— Ты что, блять, творишь?! — мой голос сорвался на злой, хриплый крик, эхом ударив по стенам холла. — Разуться мозгов не хватило?!

Элеонора шумно, возмущённо охнула и прижала ладонь к груди.

— Вайолет! Следи за речью, пожалуйста.

Да пошла ты!

Отец, который только-только стянул туфли на коврике у порога, испуганно вздрогнул. Он перевёл взгляд на ковёр, и его лицо мгновенно вытянулось.

— Адам... ты почему не снял обувь? — тихо и с какой-то жалкой растерянностью пробормотал он, глядя на испорченный ворс.

Какого хрена, папа?

Крейн даже не повернулся в их сторону. Он продолжал смотреть на меня сверху вниз, удерживая перехваченную сумку своей матери. В его глазах не было ни капли раскаяния.

— Забыл, — бросил он мне прямо в лицо. — Бывает.

Он наконец отвёл от меня взгляд, повернулся к замершей у порога Элеоноре и кивнул на кладь:

— Куда нести сумку-то?

— На второй этаж, дорогой, первая дверь направо, — ответила мачеха, пытаясь замять повисшую неловкость.

Адам двинулся к лестнице, намеренно наступая своими грязными подошвами на чистые участки маминого ковра. Проходя мимо, он жёстко задел меня плечом. От него пахло чёрным перцем и пачули, дорого и резко, а под этим едва-едва бензином. Запах был острый и до тошноты притягательный.

Сволочь. Ненавижу.

Я сжала кулаки до боли и едва сдерживала слёзы.

Лучше бы меня всё-таки смыло в океан.

Я рванула вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Влетела в свою комнату и с силой хлопнула дверью. Повернув замок, я прижалась спиной к деревянному полотну и закрыла глаза, пытаясь успокоиться.

В комнате было темно. Каждые пятнадцать секунд призрачно-зелёный луч маяка Плам-Айленд разрезал мрак, падал на стену и медленно сползал к полу. Раз. Два. Три.

Не включая свет, я прошла к кровати, упала на покрывало и вытащила из кармана шорт телефон. Экран мигал от уведомлений.

Мэтт: *«Детка, ты где застряла? Парни собираются у дюн. Приезжай, скучаю ##»*

Мэтт. Мой парень. Капитан футбольной команды и главный повод для зависти всех девчонок в Ньюберипорт-Хай. Единственное нормальное, что осталось в моей жизни.

Пальцы быстро застучали по экрану.

Я: *«Не приеду. Дома цирк. Сводный братец оказался редкостной свиньёй. Уже успел уделать мамин ковёр грязью»*

Ответ прилетел через секунду.

Мэтт: *«Хочешь, я приеду и настучу ему по башке? Объясню правила парковки на Плам-Айленд ##»*

Я криво усмехнулась. По башке. Мэтт, конечно, был крепким парнем, но, вспомнив габариты Крейна в холле, я сильно сомневалась, что драка выйдет лёгкой. Этот придурок был на голову выше и в два раза шире.

Я: *«Не надо. Сама разберусь. Заедешь за мной завтра утром?»*

Ответ прилетел мгновенно.

Мэтт: *«Буду у твоего крыльца в 7:30, детка. Жди ##»*

Я швырнула телефон на подушку. Нужно было смыть с себя этот день. В горле стоял ком, мне физически не хватало воздуха. А в носу до сих пор держался этот проклятый запах перца и бензина, словно он был на мне. Я повернула замок, открыла дверь и сделала шаг в полумрак коридора, направляясь к ванной.

И со всего размаху врезалась в него.

— Блять! Смотри, куда идёшь! — зло выплюнула я, отшатываясь и едва не теряя равновесие в узком проходе.

Адам даже не пошатнулся. Он стоял прямо передо мной, как кирпичная стена, полностью перекрывая дорогу.

— Под ноги надо смотреть, Брукс, — отозвался он, оглядывая меня сверху вниз. — Или ты ещё и слепая в придачу?

— Свали с дороги, Крейн, — я попыталась обойти его справа, но он сделал быстрый шаг в сторону, блокируя проход.

— А если не свалю? — в его голосе слышалась усмешка. — Снова будешь ругаться матом и позовёшь папочку?

— Послушай меня, Крейн. Ты притащил сюда свою задницу всего час назад. Ты здесь никто. Мне плевать, что твоя комната напротив моей — держись от меня подальше. И если ты ещё раз испортишь хоть одну вещь в этом доме, я утоплю твой чёртов байк в океане. Поверь, я могу.

Адам не шелохнулся. Он медленно опустил взгляд на мои губы, затем снова посмотрел мне прямо в глаза.

Твою мать, Крейн, не смотри на меня так.

— Рискни, сестрёнка, — тихо произнёс он, растягивая последнее слово и всё ещё наклоняясь ко мне слишком близко. Потом резко вытащил руку из кармана и протянул мне ладонь.

На ней лежали мои ментоловые сигареты и зажигалка. Я даже не заметила, как выронила их на террасе, пока смотрела на него.

— Держи свою дрянь, — бросил он. — И не ори больше. Моя мать этого не любит.

Я вырвала пачку из его пальцев, едва не оцарапав ногтями кожу. Адам окинул меня последним оценивающим взглядом, развернулся и пошёл вниз по лестнице.

Я ввалилась в ванную и заперла дверь.

Я была в бешенстве. Сильнее, чем в холле. Я подошла к раковине, включила ледяную воду и плеснула ею себе в лицо. Раз, ещё раз, и ещё. Я упёрлась ладонями в мокрую раковину и подняла голову.

Из зеркала на меня смотрело чужое лицо. Обычно я бледная, а сейчас меня всю заливал румянец — то ли от злости, то ли от того странного чувства, которое этот придурок оставил мне в коридоре. На пылающей коже мои веснушки потемнели, проступив на щеках и переносице ещё отчётливее и ярче. Меня это всегда бесило. Я терпеть не могла эти чёртовы пятна, а сейчас их стало видно ещё сильнее, прямо поверх этой глупой краски на лице.

Карие глаза стали почти чёрными: зрачки разлились во всю радужку. Я ненавидела своё тело за то, что оно так позорно меня выдаёт.

Мало того, что он испоганил мамину любимую вещь, так ещё не давал мне пройти в коридоре, будто имеет на это право. Этот парень был не просто наглым. Он был опасным. От таких переходят на другую сторону улицы, не дожидаясь, пока они что-нибудь сделают.

И этот человек теперь живёт в комнате напротив моей.

— Вайолет, спускайся! Ужин готов! — бодрый, не вовремя радостный голос отца снизу разрушил тишину.

Я тяжело выдохнула, вытерла лицо полотенцем и открыла дверь. Пора было идти на этот семейный ужин.

Глава 2

У дикой фиалки есть скрытый план выживания — клейстогамия. В неблагоприятных условиях она формирует бутоны двух типов: обычные, открытые миру, и скрытые — неприметные цветы у самой земли, под листьями, а иногда и прямо в почве. Они никогда не раскрываются и опыляют сами себя, втайне от всего мира.

Когда я спускалась по лестнице, гостиная показалась мне непривычно пустой. Я остановилась на ступеньке и с грустью посмотрела на пол. Белоснежного маминого ковра там больше не было. Отец уже успел куда-то его утащить. Голый деревянный паркет без него выглядел холодным и заброшенным. Элеонора уже частично вскрыла несколько коробок, и на комоде у входа теперь красовались её фарфоровые статуэтки лошадей.

Какая «прелесть».

Она обживалась. Хозяйничала в моём доме.

Из-за переезда на кухне всё ещё стоял бардак, так что они просто заказали доставку из «Майклса», ресторана на набережной. Еду уже разложили по тарелкам, но аппетита не было. Запах запечённой форели с травами противно мешался в воздухе с приторным парфюмом мачехи.

Адам сидел прямо напротив меня.

Он успел переодеться в свободные домашние брюки и толстовку, и теперь ходил по дому босиком. Его поза была на удивление расслабленной, и это меня бесило. Он так и не прикоснулся к еде. Просто крутил в пальцах стакан с ледяной водой, перекатывая кубики льда о стекло, а затем посмотрел на меня в упор. Он разглядывал моё лицо, будто я была самым интересным зрелищем в этом доме.

Под столом было слишком тесно. Адам лениво вытянул вперёд свои длинные ноги, и его колено случайно врезалось в моё.

Можно было подумать, что меня ударило током. От неожиданности я дёрнулась и резко поджала ноги под стул.

А Адам не шелохнулся. Только губы у него чуть дрогнули в усмешке. Этот придурок явно кайфовал от того, как легко он выбивает меня из колеи одним случайным движением.

Я сидела, сжимая вилку, и старалась на него не смотреть.

— Ричард, дорогой, рыба просто великолепна, — голос мачехи прозвучал настолько мило, что у меня свело скулы. — Заказать доставку у них было хорошей идеей!

— Вайолет очень любит этот ресторан, у них действительно лучшая рыба на гриле, — отец расплылся в довольной улыбке и посмотрел на меня.

Я кивнула и вымученно улыбнулась ему в ответ.

— Завтра ковёр заберут на химчистку, и он будет как новый, — всё ещё глядя на меня, добавил отец.

Ну надо же. Наконец-то отец вспомнил про меня.

— Спасибо, пап. Для меня это очень много значит.

— Вайолет, детка, — Элеонора повернула голову в мою сторону, бесцеремонно прерывая наш разговор. — Ричард говорил, что у вас в школе отличная футбольная команда, а твой парень Мэтт там капитан. Было бы здорово, если бы Адама взяли в команду. Сможешь замолвить перед своим парнем словечко за брата?

Вашу ж мать. Я не собираюсь устраивать социальную жизнь этого придурка.

— В средней школе Адам хорошо играл, и ему это нравилось, — продолжала мачеха.

Я слушала этот бред сумасшедшей и просто не знала, что ответить. Но в этот момент Адам заговорил.

— Достаточно, мама. Я вообще-то здесь. Я сам разберусь, на какие занятия буду ходить. И не надо просить Вайолет впрягаться за меня.

Он выдохнул и положил вилку на стол. Ровно, параллельно краю тарелки, как будто это было важно. Я зачем-то это запомнила. А вот лицо у него было совсем не ровным: на скуле ходил желвак, костяшки пальцев на стакане побелели. И голос. Тихий, гладкий, без единой трещины. Так не говорят спокойные люди. Так говорят люди, которые очень стараются не заорать. Элеонора не имела никакого чувства такта, и её «забота» о сыне выглядела откровенно токсичной. Но ситуация вышла настолько забавной, что я хмыкнула, с трудом сдерживая смешок.

Хотя, стоит отметить, из этого громилы действительно мог выйти отличный квотербек.

— Кстати, о ковре, — вдруг произнёс Адам, переводя тему.

Я подняла голову, уставившись на него.

Он откинулся на спинку стула, переведя взгляд на отца, а затем на Элеонору.

— Ричард, мама, я хотел извиниться за холл, — уже спокойно и без тени гнева сказал он. — За то, что натоптал. Я не знал, что этот ковёр так важен для Вайолет. Реально не подумал.

Все молчали.

Отец замер с вилкой у рта, а мачеха умилённо прижала ладонь к груди, явно готовая расплакаться от неожиданного извинения сына.

Адам снова посмотрел на меня. На губах не было ухмылки. Лицо абсолютно спокойное, непроницаемое. Но этот его взгляд... Так изучают шахматную доску перед ходом. Он просчитывал меня.

Он не попросил прощения у меня, он попросил его у родителей.

Я снова начала закипать, но виду не подала.

— Ничего страшного, Адам, дорогой, — почти пела Элеонора, расплываясь в улыбке. — Главное, что Ричард уже всё уладил. Правда, Вайолет?

Я перевела взгляд с мачехи на Адама.

Он издевался. Точно издевался, прикрываясь этим своим фальшивым раскаянием.

— Правда, — холодно отозвалась я, даже не посмотрев на мачеху.

Я смотрела только на него. Смотрела прямо в эти пустые глаза и пыталась понять, что у него в голове.

— Рада, что ты наконец-то научился разуваться, Крейн, — выплюнула я сквозь зубы.

Отец недовольно кашлянул, явно намекая, что я перегибаю палку, но мне было плевать.

Адам никак не отреагировал на мой выпад. Спокойно сделал глоток воды, продолжая изучать моё лицо. Он ждал.

— Вайолет, — с мягким укором произнёс отец, откладывая салфетку. — Давай не будем. Адам извинился, инцидент исчерпан. Лучше скажи, Мэтт заедет за тобой завтра, или мне отвезти тебя?

— Мэтт заедет, — спокойно ответила я, возвращаясь к еде. — В полвосьмого, как и обычно.

Отец кивнул и повернулся к Адаму:

— Адам, тебя завтра подбросить? Мне всё равно по пути.

Я мельком взглянула напротив. Адам приподнял одну бровь и наконец соизволил посмотреть на моего отца.

— Сам доеду, — сухо бросил он.

Отец только кивнул в ответ и уткнулся обратно в свою тарелку, абсолютно не замечая, как сын Элеоноры разглядывает его дочь.

Атмосфера за столом стала окончательно душной. Аппетит пропал, да и сидеть напротив него больше не хотелось. Я аккуратно положила вилку и отодвинула стул.

— Спасибо, я наелась, — бросила я, не глядя на родителей.

Развернулась и пошла прочь из комнаты, надеясь, что этот серый взгляд не провожает меня до самой лестницы.

У себя в комнате я наконец-то смогла нормально выдохнуть. Нужно было срочно отвлечься. Завтра первый учебный день, и хаос в мыслях мне был точно не нужен. Я достала свой кожаный рюкзак, бросила его на кровать и принялась перекладывать тетради со стола. Спокойствие постепенно возвращалось.

В дверь коротко, дважды постучали.

Я замерла с учебником в руках. Отец обычно заходил вообще без предупреждения, а Элеонора деликатно скреблась ногтями. За те месяцы, что она крутилась в нашем доме и периодически оставалась на выходные, пока они с отцом встречались, я успела изучить все её привычки. Но этот стук был другим — уверенным, тяжёлым и коротким.

— Войди, — настороженно бросила я, разворачиваясь.

Ручка повернулась. В комнату зашёл Адам. Он остановился прямо у порога и просто опёрся плечом о дверной косяк, засунув руки в карманы. На его лице не было той наглой ухмылки из столовой.

— Пришёл продолжить шоу? — равнодушно спросила я, скрестив руки на груди.

Адам выдохнул, разглядывая бардак на моей кровати.

— Перестань, Брукс. Я насчёт ковра, — его голос прозвучал низко и хрипло. Он пару секунд молчал, а потом добавил:

— Спускался сейчас вниз, искал Ричарда — нужен был удлинитель для розеток. Наткнулся на него в прихожей, он там как раз упаковывал этот ковёр в плёнку. Рассказал, чей он. Ричард ничего не говорил до этого, я реально не знал, что это вещь твоей матери. Я думал, ты бесишься из-за грязи. Если бы знал, я бы разулся ещё на крыльце. У меня не было цели топтаться по чужой памяти. Извини.

Я молчала, переваривая услышанное. Обида никуда не ушла, но этот его спокойный тон сбивал с толку.

— Ладно, допустим, ты не знал про ковёр, — я сделала шаг вперёд, не разжимая рук на груди. — А в коридоре у ванной что это было? Зачем ты не давал мне пройти? Какого хрена ты вообще на меня так смотришь?

Адам ухмыльнулся, засунув руки глубже в карманы брюк.

— Да потому что ты забавно злишься, Брукс. Мне просто хотелось тебя подразнить и посмотреть, как далеко ты зайдёшь со своими угрозами. Знаю, я вёл себя как придурок. Извини, если напугал. Меня тоже не прикалывает этот переезд. И у меня не было в планах портить тебе жизнь. Я с самого утра на взводе.

Я не знала, что на это сказать. Такой честности я от него не ждала, но мириться всё равно не собиралась.

Ты и есть придурок.

Адам оттолкнулся плечом от косяка, собираясь уходить, но на секунду замер. Его взгляд мазнул по моему лицу — уже без прежней дурацкой ухмылки, как-то проще.

— Мы не с того начали, сестрёнка, — тихо добавил он, и в его голосе проскользнула едва заметная усмешка. — Давай попробуем с чистого листа. Я Адам.

Он не стал ждать моего ответа. Развернулся, вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Я так и осталась стоять посреди комнаты. «Не с того начали», надо же. Так просто.

У него что, раздвоение личности?

Злость понемногу отпускала, и внутри стало пусто и странно. Играть на чужих нервах этот парень умел, тут не поспоришь. Но теперь он хотя бы казался немного нормальнее.

Глава 3

В вопросах защиты своей территории дикий журавль не знает компромиссов. Столкнувшись с соперником, он использует особую повадку — «прогулку-угрозу». Птица выгибает шею и начинает медленно, напряжённо вышагивать вдоль невидимой границы, не сводя с чужака глаз. Это самая мягкая из угроз: если соперник не уйдёт, дальше будут распушённые перья, раскрытые крылья и выпад. Так журавль даёт понять, что не отступит ни на дюйм.

Я закрыл за собой дверь её комнаты и не сразу отпустил ручку.

С той стороны было тихо. Ни шагов, ни шороха тетрадей, которые она перекладывала, когда я постучал. Она так и стояла посреди комнаты со скрещёнными на груди руками. Я это знал, хотя дверь была закрыта.

С чистого листа. Ну да.

В моём телефоне было сто шестьдесят три её фотографии. Я пересчитывал их в июле, когда не мог уснуть.

Про ковёр я ей не соврал. Ни одним словом.

Перед этим я действительно спускался вниз за удлинителем: в моей новой комнате была всего одна розетка, и та за шкафом. Ричард стоял на коленях посреди прихожей и заворачивал ковёр в стрейч-плёнку. Ковёр был скатан в тугой рулон, плёнка противно взвизгивала каждый раз, когда Ричард отматывал новый виток. От рулона тянуло мокрым песком и водорослями. Моим песком и моими водорослями.

— Удлинителя не найдётся? — спросил я.

Он кивнул на коробку у стены, но с колен так и не поднялся.

— Это любимый ковёр её мамы, — сказал он, не глядя на меня. — Она всегда очень ругалась, когда мы его пачкали. Пять лет я никому не позволял его трогать. Надо было сразу тебя предупредить. Это моя вина, Адам.

Он извинялся передо мной за то, что я вытер ноги о память его жены.

Мать умела находить таких мужчин. Таких, которые сами просят прощения, когда на них наступают.

Я взял удлинитель и пошёл наверх. Четырнадцать ступенек. Я пересчитал их ещё вечером, когда нёс сумку матери. Старая привычка: когда мать начинала говорить своим тихим ровным голосом, я считал. Плитки на кухне, машины за окном, всё, что попадалось на глаза.

На седьмой ступеньке под рёбрами неприятно потянуло. Я топтался по вещи мёртвой женщины, а её дочь смотрела на меня так, будто я топчусь по ней самой. Теперь стало понятно почему.

Жалости хватило ровно до второго этажа. На верхней ступеньке я уже знал, что у меня есть повод постучать к ней в дверь. Настоящий. Такой, после которого не говорят «пошёл вон».

Я бросил удлинитель на кровать и пошёл к её комнате. Я постучал. Дважды. Мать всю жизнь скреблась в мою дверь ногтями, будто спрашивала разрешения, которое ей на самом деле было не нужно. Я стучу так, чтобы было понятно: я всё равно войду.

Всё, что я ей сказал, было правдой. Я не знал про ковёр. Думал, что она бесится из-за грязи. Разулся бы ещё на крыльце, если бы знал. И на взводе я был с самого утра — тоже правда. Я просто не уточнил, из-за кого.

И про то, что она забавно злится, я не соврал. Только «забавно» было не тем словом.

В феврале мать начала уезжать на выходные. В воскресенье вечером она возвращалась, садилась на край моей кровати, хотя я ни разу её не звал, и листала передо мной фотографии в телефоне. Ричард за штурвалом катера. Ричард с бокалом вина на веранде ресторана. Мать в светлом тренче на фоне маяка. Мать с тарелкой устриц. И почти на каждой третьей фотогра-

фии, с самого края, девчонка с золотистыми волосами, которая смотрела куда угодно, только не в камеру.

— Это Вайолет, — говорила мать. — Немного колючая, но очень милая девочка. Вы обязательно подружитесь.

Я замечал другое. На всех фотографиях между Вайолет и моей матерью было расстояние. Сантиметров двадцать, иногда больше. Ричард этого не видел. Мать делала вид, что не видит. А я смотрел на эти двадцать сантиметров и думал, что эта девчонка, кажется, раскусила мою мать быстрее, чем когда-то я.

Мне стало интересно.

Её страницу я нашёл в тот же вечер. Искать долго не пришлось: мать подписалась на неё ещё в январе, а Вайолет, конечно же, не подписалась в ответ.

Профиль был открытый. Маяк на закате. Кеды на перилах террасы. Трибуны стадиона Ньюберипорт-Хай. Дюны. И Мэтт. Мэтт на каждой четвёртой фотографии: рука у неё на плече, широкая улыбка, номер на футболке. Под каждым её постом его комментарий: «Моя детка ##».

Под одним таким комментарием я просидел минут пять и прикидывал, сколько нужно усилий, чтобы сломать человеку руку.

Истории она показывала только подписчикам. Со своего аккаунта подписаться я не мог. Сын женщины, с которой встречается её отец, вдруг просится к ней в подписчики: она решила бы, что я странный. И была бы права, но знать это ей было рано. А подписки в инстаграме[1] видны всем, и мать заметила бы мою первой. Поэтому в апреле у меня появился второй аккаунт — с картинкой, которую сгенерировала нейросеть, и с именем из аниме «Психопаспорт». Она одобрила заявку через два дня. Даже не посмотрела, кто это.

Сначала я говорил себе, что это разведка. Мать тащит меня в чужой дом, и я хочу знать, кто там живёт. Нормальное желание.

Потом я начал открывать её страницу утром, ещё не встав с кровати. Потом ночью. Я знал, что по субботам она ездит с друзьями на дюны. Знал, что по вечерам она выкладывает только маяк и никогда себя. Улицу Резервейшен-Террас я раз сто прошёл в панорамах на картах, и сегодня узнал её террасу ещё с дорожки, по перилам.

В июле она выложила фотографию маяка ночью и через несколько минут удалила. Я успел сохранить. До сих пор не знаю, что с ней было не так. С фотографией или с самой Вайолет.

Девчонки писали мне каждый день. Я открывал сообщение, читал первую строчку и закрывал. А потом шёл на её страницу и сидел там час.

Где-то тогда я перестал называть это разведкой.

Свадьбу назначили на конец июня. Я знал, что Вайолет там будет. Не на экране, а в метре от меня, в каком-нибудь платье, рядом со своим отцом и моей матерью. Я прокручивал это в голове десятки раз, и каждый раз всё заканчивалось одинаково: я делал что-нибудь такое, после чего праздник можно было выбрасывать вместе с тортом.

Утром в день свадьбы я сел на байк и уехал в Мэн. Выключил телефон на три дня.

Мать до сих пор уверена, что я сделал это ей назло. Я не спорю. Сбегать из дома мне не впервой, и злость на неё — правда. Просто не вся.

Потом она два месяца уговаривала Ричарда подождать с переездом, пока она «наладит отношения с сыном». На языке моей матери это значит: пока сын не сдастся. Теперь она думает, что дожала меня.

А мне просто нужно было время, чтобы научиться держать себя в руках.

Сегодня выяснилось, что я так и не научился.

---

[1] * Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Я специально поехал отдельно. Сидеть в машине Ричарда и слушать, как мать называет его «дорогой», я бы не выдержал.

Байк я бросил у гаража и пошёл к воде. Хотел пару минут постоять у океана перед всем этим цирком. Тропинка шла через дюны, жёсткая трава цеплялась за джинсы. Дом стоял слева, высокий, с террасой, выходящей на пляж. Я поднял голову просто так.

Ладно. Не просто так.

Она стояла наверху, у перил.

Сигарету она уже затушила и держала окурок двумя пальцами, будто не знала, куда его деть. Джинсовые шорты, майка, кеды, голые ноги — бледные, хотя в её историях всё лето было сплошное солнце. На коленке ссадина. На фотографиях у неё не было ни одной ссадины. Ветер с океана швырял ей волосы в лицо, а она даже не пыталась их убрать. Просто смотрела на меня сверху вниз. Прямо. Не мимо камеры, как на всех тех снимках. На меня.

Ну привет, Вайолет.

И вот тут мне сорвало крышу.

Надо было кивнуть и идти дальше. Вместо этого я спросил первое, что пришло в голову:

— Папочка не отругает за курение?

Она закатила глаза. И ответила. Я впервые услышал её голос: в историях у неё всегда играла музыка, в камеру она никогда ничего не говорила. Голос оказался ниже, чем я думал, с хрипотцой.

— Папочка сейчас занят тем, что везёт твою мать сюда, Крейн.

Крейн. Она знала мою фамилию. Значит, про меня ей тоже рассказывали. Интересно, что именно.

«Так что иди куда шёл». Я стоял внизу и не мог вспомнить, куда шёл.

— Грозная какая, — сказал я, просто чтобы не молчать. — Рад наконец познакомиться, сестрёнка.

«Наконец» я сказал честно. Она, конечно, не поняла.

Я дошёл до воды и наступил в неё прямо в ботинках. Волна откатилась и оставила на подошве чёрные ленты водорослей. Я стоял, пока у меня не перестали дрожать руки.

Не помогло.

Со стороны дороги зашуршал гравий. Приехали.

Обратно я пошёл напрямую, через траву, к лестнице на террасу. Вайолет там уже не было. На ступеньке лежали пачка ментоловых сигарет и зажигалка. Выронила.

Я сунул их в карман и толкнул стеклянную дверь.

Про ботинки я даже не подумал. Из холла доносился её голос: она здоровалась с моей матерью тем вежливым тоном, каким здороваются с учительницей, которую терпеть не могут. Я пошёл на голос. Через всю гостиную, через белый ковёр, на ходу стягивая куртку и бросая её на диван.

«Забыл. Бывает». Это тоже была правда.

Она держала сумку матери. Мать никогда не ездит налегке, в этой сумке весу было как в мешке цемента. Я перехватил ручки у неё из-за плеча. Она резко обернулась и чуть не уткнулась носом мне в грудь.

Вблизи было ещё хуже.

У неё были веснушки. Целая россыпь, на носу и на скулах. На фотографиях их не было: то ли фильтры, то ли тональный крем. Полгода я смотрел на девчонку, которой не существует. Настоящая оказалась лучше.

Я должен был отойти. Я стоял и не двигался.

Потом она посмотрела вниз и застыла. Я проследил за её взглядом. Следы. Песок, грязь, водоросли. Сейчас скажет что-нибудь ядовитое.

А она заорала.

В нашем доме никто не кричал. Мать за всю жизнь ни разу не повысила голос. Когда мне было одиннадцать, я хлопнул дверью своей комнаты, и она не разговаривала со мной девять дней. Не ругала, не наказывала. Просто ставила на стол одну тарелку, для себя, и смотрела сквозь меня, пока я сам не пришёл просить прощения.

«Кто кричит, тот проиграл, дорогой».

Я выучил это быстрее, чем таблицу умножения.

А Вайолет стояла посреди холла и орала на меня при отце, при моей матери, при всех. С мокрыми глазами. И ей было плевать, проиграет она или нет.

В ушах застучала кровь. Так бывает ночью на трассе, когда стрелка переваливает за сто двадцать миль и думать уже некогда.

Мать охнула и попросила её следить за речью. Ричард что-то промямлил про обувь. Я их почти не слышал. Я смотрел на Вайолет и понимал одно: пока она кричит, она смотрит на меня. Только на меня. Больше в этом доме для неё никого нет.

Поэтому к лестнице я пошёл по чистому ворсу. Специально. Каждым шагом. И плечом её задел тоже специально.

Я поставил сумку у кровати матери, и почти сразу по лестнице простучали её шаги. Дверь напротив моей грохнула так, что в пустом шкафу звякнули вешалки. Щёлкнул замок.

Девять дней. Вот сколько когда-то стоил такой хлопок.

Я вышел в коридор и остановился между нашими дверями. Надо было отдать ей сигареты. Или пойти к себе и разобрать вещи. Я не сделал ни того, ни другого. Стоял в темноте, держа руки в карманах, и ждал.

Минут через десять замок щёлкнул снова.

Она вылетела в коридор и со всего размаху врезалась в меня. Отшатнулась, выругалась. Попробовала обойти справа. Я шагнул вправо раньше, чем успел решить, зачем.

— Ты здесь никто, — сказала она.

Она стояла так близко, что я видел, как у неё подрагивает подбородок. Злилась так, что подбородок дрожал. Ты здесь никто. Она была права. Только говорила она это мне, глядя прямо в глаза, и меня от этого распирало. Руки я из карманов не вынимал. Так было надёжнее.

Утопить мой байк. Я почти поверил, что она это сделает.

Давай. Утопи.

Вслух я сказал «рискни» и протянул ей сигареты.

— Держи свою дрянь. И не ори больше. Моя мать этого не любит.

Я сказал это и сам услышал, чей это голос. Её интонация, её мягкость. Сколько раз за детство я слышал «не кричи, дорогой», а теперь сам повторил это единственному человеку в этом доме, который кричал по-настоящему.

Она выдернула пачку у меня из пальцев, едва не оцарапав ногтями. Я развернулся и ушёл вниз, пока не сказал ещё что-нибудь голосом матери.

После холла я снял ботинки и больше в доме их не надевал. Переоделся и спустился к ужину босиком.

Есть я не мог. Крутил стакан с водой, гонял лёд по стенкам и смотрел через стол на Вайолет. Полгода между нами был экран телефона. Теперь — стол на четверых.

Стол оказался тесным. Я вытянул ноги и задел её колено. Случайно. Она дёрнулась, будто её ударило током, и поджала ноги под стул.

Я свои убирать не стал. Значит, весь ужин она помнила, где я сижу. Так же, как я помнил, где сидит она.

Потом мать завела разговор про футбол. За полминуты она сделала из меня бедного мальчика, которого надо пристроить в команду по знакомству. Через Вайолет. Через её парня. Через Мэтта, которому я с апреля мысленно ломал руку.

Я сказал больше, чем собирался. Потом положил вилку. Ровно, параллельно краю тарелки: когда руки заняты порядком, они не делают ничего другого. Вайолет хмыкнула — тихо, почти в тарелку, но я услышал. Ради этого звука можно было ещё раз сказать при матери лишнее.

Извинение за ковёр я придумал ещё на лестнице, с сумкой в руках. Этому меня тоже научила мать: извиняться надо при свидетелях. Тогда второму ничего не остаётся, кроме как кивнуть и простить, иначе плохим будет уже он. Я много раз видел, как она проделывала это с отцом. И со мной.

Я извинялся перед Ричардом и матерью и смотрел только на Вайолет.

Не ведись, Брукс. Только не ведись.

Мать прижала ладонь к груди и приготовилась прослезиться. Ричард облегчённо выдохнул.

— Рада, что ты наконец-то научился разуваться, Крейн, — сказала Вайолет.

Не повелась. Ни на секунду. Сидела напротив с вилкой в руке и видела этот фокус насквозь, как видела мою мать на всех тех фотографиях. Я сделал глоток воды, чтобы не улыбнуться.

А потом Ричард спросил, заедет ли за ней утром Мэтт.

— В полвосьмого, как и обычно.

Как и обычно. Я запомнил.

Я наконец отпустил ручку её двери и зашёл к себе.

Её окна выходили на океан и маяк. Мои — на подъездную дорожку, гараж и крыльцо. Ричард, кажется, даже извинился, что мне досталась комната похуже. Меня всё устраивало. Завтра в половине восьмого Мэтт остановит машину прямо под моим окном.

Свет я включать не стал. Сел на подоконник и достал из кармана сигарету. Ментоловую. Одну я вытащил из её пачки ещё на террасе, прежде чем отдать остальное. Она не заметит.

Я не курю ментол. Я просто держал её в пальцах так же, как она держала свой окурок, пока смотрела на меня сверху вниз.

Потом поставил будильник на семь.

Мне хотелось посмотреть, как выглядит Мэтт, когда его никто не фотографирует.

Глава 4

Канадские журавли умеют перекрашиваться. Весной они втирают клювом в серое оперение мокрую глину, богатую железом, и перья становятся ржаво-бурыми, будто окрашенными. Зачем журавли это делают, орнитологи спорят до сих пор. По одной из версий — чтобы слиться с сухой бурой травой вокруг гнезда и не выдать себя раньше времени.

Будильник зазвонил в семь. Я выключил его с первого раза и остался лежать.

Спал я часа три. Сначала мешали чайки, которые начали орать задолго до рассвета. Потом я просто лежал и слушал дом. Как он пощёлкивает, остывая после жары. Как в трубах шумит вода. Как в половине пятого под дверью напротив на секунду загорелась полоска света и снова погасла.

Её сигарета лежала на подоконнике, там, где я её оставил. Я переложил её во внутренний карман куртки.

Мать как-то сказала, что имя Вайолет ей очень идёт. Фиалочка. Нежная, хрупкая девочка. Мать вообще плохо разбирается в цветах.

Когда мне было восемь, отец ещё брал меня с собой на объекты. Однажды весной мы приехали на площадку в Сомервилле, где всю зиму работала техника. Земли там не осталось: щебень, глина, мазутные лужи, битый кирпич. И прямо из этого лезли фиалки. Мелкие, тёмно-фиолетовые, целыми пятнами.

— Бесполезно, — сказал отец, когда я спросил, почему их никто не выпалывает. — Вырвешь, а через неделю вылезут снова. Сорняк. Зато упрямый.

Я тогда не понял, почему он при этом улыбался. Сейчас понимал.

Нежная. Как же.

Я натянул вчерашние джинсы, взял полотенце и вышел в коридор.

Дверь ванной открылась ровно в ту секунду, когда я взялся за ручку. Второй раз за сутки мы оказались лицом к лицу в этом узком проходе. В этот раз я отступил первым.

Она это заметила. Остановилась на пороге и посмотрела на меня так, будто ждала подвоха.

Она уже была одета для школы. Белая рубашка, тёмно-синий кардиган с рукавами до самых пальцев, клетчатая юбка, белые носки и те же кеды, что вчера. Волосы собраны в высокий хвост, у висков выбилось несколько прядей. Веснушки она снова замазала.

Жаль.

— Доброе утро, сестрёнка.

— Горячей воды нет, — сказала она. — Я всю потратила. Не благодари.

— И не собирался.

— Это у нас теперь так? С чистого листа? «Доброе утро, сестрёнка»?

— Могу без «сестрёнки».

— Можешь вообще без всего.

Она прошла мимо, не задев меня даже рукавом. Чуть развернула плечи, чтобы между нами осталось место. Сантиметров двадцать. Как на тех фотографиях с моей матерью.

Значит, вчера я всё-таки чего-то добился. Теперь меня тоже нужно обходить.

Вода и правда была ледяной. Мне было всё равно. Вчера я в ботинках стоял в океане.

На кухне всё ещё стояли коробки. Мать в шёлковом халате бросала в блендер что-то зелёное. Ричард в рубашке и галстуке пил кофе стоя и листал новости в телефоне. Вайолет ела йогурт у окна, не садясь, и смотрела на дорогу.

— Доброе утро, дорогой, — мать поставила передо мной стакан с зелёной жижей. Я не просил. — Шпинат, яблоко, сельдерей. Ты вчера ничего не ел.

Она заметила, что я ничего не ел. Она всегда замечает такие вещи и всегда говорит о них при свидетелях.

— Может, наденешь рубашку? Первый день. Первое впечатление.

— Нет.

Ричард поднял глаза от телефона.

— Ты на мотоцикле? Аккуратнее на Тёрнпайке, по утрам над болотами туман.

— Хорошо.

Больше я за завтраком ничего не сказал.

Вайолет посмотрела на часы над холодильником, потом снова в окно. В семь двадцать девять с улицы просигналили. Дважды. Она бросила стаканчик из-под йогурта в раковину, схватила рюкзак и яблоко из вазы и ушла, ни с кем не попрощавшись.

Мэтт приехал на минуту раньше. Я это отметил.

Мать вздохнула ей вслед так, будто её лично обидели. Я отодвинул стакан со шпинатом, взял куртку и шлем.

Чёрный «Рэнглер» без крыши стоял у самого крыльца с работающим мотором. Мэтт сидел за рулём, развалившись, одна рука на руле, и, увидев Вайолет, улыбнулся во весь рот.

Вживую он оказался точно таким же, как на фотографиях. Высокий, плечистый, светлые волосы коротко сняты по бокам, загар, который у таких парней держится до самого Рождества, ровные белые зубы. На нём был бордовый бомбер с золотыми рукавами и большой золотой буквой N на груди. На спине — «Клипперс», на рукаве — двенадцатый номер.

Ну конечно, двенадцатый.

Вайолет перегнулась через дверцу и поцеловала его в щёку. Он что-то сказал, она засмеялась.

Я прошёл мимо них к гаражу.

— Эй! — окликнул Мэтт. — Это твоя? ZX-6R?

Я обернулся.

— Моя.

Он присвистнул, выпрыгнул из машины и подошёл, разглядывая байк, как разглядывают чужую дорогую вещь: с удовольствием и без капли зависти. Зависть таким, как он, не нужна. Им и так всё достаётся.

— Красотка. Зелёная, как лайм. — Он протянул руку. — Мэтт.

— Адам.

Он сжал мою ладонь сильно и чуть дольше, чем нужно, и при этом не переставал улыбаться. Проверял. Я сжал в ответ ровно так же и первым не отпустил.

— Только смотри, на Хай-стрит копы таких любят, — он подмигнул. — Им скучно, а тут ты, весь зелёный.

— Учту.

Вчера мне хотелось увидеть, как выглядит Мэтт, когда его никто не фотографирует. Оказалось, точно так же. Он одинаково улыбался мне, Вайолет и почтовому ящику.

— Мэтт, поехали, — Вайолет уже сидела на пассажирском месте и смотрела прямо перед собой. — Опоздаем.

На меня она не взглянула ни разу.

— Увидимся в школе, бро.

Мэтт хлопнул меня по плечу и вернулся в машину.

Я дал им уехать вперёд. Надел шлем, завёл двигатель и с минуту просто сидел, слушая, как он работает.

Дорогу до школы я знал наизусть. На картах — тысячу раз. Вживую ни разу.

«Рэнглер» я догнал на Плам-Айленд-Тёрнпайк. Дорога там идёт длинной прямой через солончаки: по обе стороны бурая трава, протоки, вода, над которой ещё висели клочья тумана. Ричард оказался прав. Встречных не было.

Я вышел на встречную и прошёл мимо них так близко, что увидел, как Вайолет вздрогнула. Мэтт посигналил мне вслед и поднял руку, как старому приятелю.

Вайолет даже не повернула головы.

Повернула. Я видел в зеркале.

Школа Ньюберипорт-Хай оказалась большим кирпичным зданием с флагом над входом. Парковка была забита уже наполовину. Я поставил байк в дальнем ряду, заглушил мотор и снял шлем.

Несколько голов повернулось в мою сторону. Двое парней у пикапа разглядывали байк. Девчонки у входа разглядывали меня, и куда заметнее. Одна что-то шепнула подруге, та засмеялась.

Я к этому привык. В прошлой школе было то же самое, первые недели две. Потом там поняли, что я ни с кем не разговариваю, и отстали.

Минуты через три на парковку въехал «Рэнглер». Его сразу обступили: трое парней в таких же бордовых бомберах, как у Мэтта, и две девчонки. Обеих я знал.

Руби была почти на всех фотографиях Вайолет, где не было Мэтта. Чёрные кудри, ярко-красная помада, смех, который слышно через всю парковку. Мэллори попадалась реже. И всегда где-нибудь с краю. Ближе к Мэтту.

Я заметил это ещё весной. Тогда мне было всё равно.

Руби увидела меня первой. Схватила Вайолет за рукав и даже не попыталась говорить тише.

— Подожди. Это он? Это твой сводный брат? Вай, почему ты не сказала, что он такой хорошенький?

— Потому что он придурок, Руби.

— Одно другому не мешает.

Вайолет закатила глаза точно так же, как вчера на террасе, и потащила Руби ко входу.

А Мэллори пошла ко мне.

Она была красивой и знала это лучше всех на этой парковке. Тёмные волосы, гладкие, будто она выпрямляла их всё утро, серьги-кольца, тонкая цепочка с буквой «М». Она остановилась у байка и провела пальцем по баку.

— Мэллори. Можно просто Мэл.

— Адам.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Тут уже все знают. Красивый байк. Твой или папин?

— Мой.

— Я живу тут рядом, на Хай-стрит, через два дома от школы. Вон, видишь, белый дом с синими ставнями? Если вдруг будет негде оставить твою зелёную ракету, у меня во дворе места полно.

Она засмеялась. Слишком громко для такой шутки. И пока смеялась, посмотрела мне за плечо. Туда, где Мэтт стоял со своими парнями.

Проверяла, видит ли он.

Он не видел. Зато видел я. Так улыбалась мать на ужинах с партнёрами отца: улыбка на месте, а глаза считают, кто сколько стоит и кто на неё смотрит.

— Спасибо, — сказал я. — Обойдусь.

Улыбка у неё не дрогнула. Только во взгляде что-то сдвинулось, будто она переставила меня с одной полки на другую.

— Ну, как знаешь. Увидимся, Адам.

У входа Вайолет обернулась, нашла Мэллори глазами и махнула ей:

— Мэл! Пошли, опоздаем на перекличку!

И взяла её под руку, когда та подошла. Как лучшую подругу.

Вайолет, которая с первого раза раскусила мою мать, не видела того, что творилось у неё под самым носом.

Куратор новичков, миссис Кавана, оказалась маленькой женщиной в очках на цепочке. Её кабинет пах кофе и горячим принтером. Она выдала мне расписание, номер шкафчика с кодом, пропуск на парковку для мотоцикла и брошюру о поступлении в колледж, которую я тут же сложил пополам.

— Мистер Крейн, — сказала она, листая мою папку. — Я читала ваше личное дело. Прошлый год вы фактически пропустили. Я понимаю, семейные обстоятельства. Но здесь у вас новый старт. Больше трёх пропусков без уважительной причины, и я звоню вашей маме.

— Звоните Ричарду.

Она подняла на меня глаза поверх очков. Помолчала. Потом что-то пометила в папке.

— Первым уроком у вас информатика, кабинет двести четырнадцать. Мистер Хартли не любит опозданий.

Мэтт оказался в моём классе. Выпускной год у нас был общий, только у меня он шёл по второму кругу.

В кабинете информатики стояло тридцать компьютеров, жалюзи были наполовину опущены, гудел кондиционер. Мэтт сидел у окна с двумя своими парнями в бомберах. Увидел меня и помахал, как старому другу.

Я сел в последнем ряду.

Мистер Хартли, худой, бородатый и в кедах, вывел на проектор кусок кода.

— Разминка, — сказал он. — Здесь ошибка. Кто найдёт, освобождается от первой домашки.

Класс уставился на экран. Мэтт что-то шепнул соседу, тот хмыкнул.

Ошибку я увидел раньше, чем Хартли договорил. Седьмая строка, цикл. «Меньше или равно» вместо «строго меньше». На последнем шаге программа полезет за пределы массива и упадёт.

Я подождал секунд десять. Никто ничего не сказал.

— Седьмая строка, — сказал я с последнего ряда. — Там должно быть строго меньше. Иначе на последней итерации вылетит за пределы массива.

Хартли посмотрел на меня поверх проектора.

— Фамилия?

— Крейн.

— Где учились, мистер Крейн?

— Дома.

Он хмыкнул и что-то себе записал.

— Чувак, — Мэтт развернулся ко мне вместе со стулом. — Ботаник на «Кавасаки». Ты мне всю картину мира ломаешь.

Класс засмеялся. Мэтт засмеялся громче всех. Ему правда было весело.

За кодом я просиживал ночи с двенадцати лет. В коде нет интонаций. Он не говорит с тобой тихим голосом и не молчит девять дней. Он либо работает, либо нет, и всегда понятно почему.

После второго урока коридор забило так, что пройти можно было только боком. Мой шкафчик оказался на том же этаже, что и её. Я понял это раньше, чем до него дошёл: Вайолет стояла у своего шкафчика, а Мэтт стоял вплотную к ней и целовал её.

Она смеялась и отталкивала его ладонью в грудь. Несильно. Не всерьёз.

Я пошёл мимо. Не быстро. Шкафчики тянулись вдоль стены, серые, одинаковые. Двести девяносто восемь. Двести девяносто девять.

— ...в пятницу после игры у Бреннана, — говорил Мэтт. — Его предки до воскресенья на Нантакете. Весь дом наш.

— Если ты опять уснёшь в обнимку с унитазом, я тебя там и оставлю.

— Не оставишь. Ты меня любишь.

— Посмотрим, — сказала она и засмеялась.

Посмотрим.

Мэтт поднял голову и увидел меня. Не отпуская её, кивнул. Спокойно, по-свойски. Так кивают новенькому, которого уже записали в свои.

Я кивнул в ответ.

Если бы он знал, сколько раз за это лето я мысленно ломал ему руку, он бы так не кивал.

Триста двенадцать. Мой шкафчик. Код я набрал с первого раза, хотя пальцы слушались хуже, чем обычно.

После последнего урока я вышел на парковку одним из первых, сел на байк, но заводить не стал. Достал телефон и сделал вид, что читаю.

«Рэнглер» стоял через три ряда. Минут через десять подошла вся компания. Руби уехала с каким-то парнем на «Хонде». Двое в бомберах ушли пешком. Мэтт закинул рюкзак Вайолет на заднее сиденье, и тут к машине подошла Мэллори.

— Мэтт, подбросишь? Вам же по пути.

— Конечно, Мэл, садись, — ответила Вайолет раньше, чем Мэтт успел открыть рот.

По пути.

Белый дом с синими ставнями был виден прямо с парковки. Идти до него было минуты две.

Мэллори забралась на заднее сиденье. «Рэнглер» вырулил со стоянки и свернул в сторону острова.

Я надел шлем и поехал за ними.

Держался через три машины. На Тёрнпайке, где спрятаться было негде, отстал так, что «Рэнглер» превратился в чёрную точку. На острове снова подтянулся.

Мэтт остановился у нашего крыльца. Вайолет перегнулась к нему, поцеловала, выбралась из машины и тут увидела, как я сворачиваю на подъездную дорожку.

— Ты что, следишь за нами?

Я снял шлем.

— Я здесь живу, Брукс.

Она фыркнула, развернулась и взбежала на крыльцо. Входная дверь грохнула.

А Мэллори, не выходя из машины, перебралась с заднего сиденья вперёд. Прямо между креслами, на место Вайолет. Мэтт сдал назад, развернулся и поехал обратно в город.

Чтобы довезти Мэллори до дома, который видно со школьной парковки, Мэтт сделал крюк через весь остров.

Я снова надел шлем и поехал за ними.

Догонять я не стал. С острова в город ведёт одна дорога, и деться «Рэнглеру» было некуда. Я держался так далеко, что Мэтт, даже если бы глянул в зеркало, увидел бы только зелёное пятно где-то у моста.

Он в зеркало не глядел. Мэллори что-то говорила, наклоняясь к нему через подлокотник, а он кивал и не отрывал глаз от дороги.

На Хай-стрит я сбросил скорость и встал за фургоном доставки, метрах в пятидесяти от белого дома с синими ставнями. «Рэнглер» остановился у самой калитки. Мотор Мэтт глушить не стал.

Крыши у машины не было, так что смотреть мне ничто не мешало.

Мэллори отстегнула ремень и потянулась к нему. Не торопясь, будто делала это не в первый раз и знала, что ей не откажут.

Мэтт отвернулся.

Не отстранился, а именно отвернулся: резко, всей головой, как от пощёчины. Её губы ткнулись ему куда-то в скулу.

А потом он заорал.

Слышно было не всё. Мимо прополз школьный автобус, где-то за забором лаяла собака. Но кое-что долетело.

— ...совсем больная?! Средь бела дня! У твоего дома!

Мэллори что-то ответила, тихо, я не разобрал.

— Я тебе сказал: всё! — Мэтт ударил ладонью по рулю. — Это была ошибка, Мэл! Ошибка, ясно тебе?

— Ошибка?!

На этом слове у неё сорвался голос.

Она выскочила из машины и хлопнула дверцей так, что «Рэнглер» качнулся. Пошла к дому быстро, почти бегом, не оборачиваясь. У калитки один раз провела ладонью по лицу.

Мэтт ещё секунд десять сидел и смотрел прямо перед собой. Потом рванул с места так, что взвизгнули шины, и ушёл в сторону центра.

Я заглушил мотор и снял шлем.

«Кто кричит, тот проиграл, дорогой».

Мэтт орал не от злости. Так орут, когда страшно. Золотой мальчик с двенадцатым номером боялся. Что кто-нибудь увидит. Что узнает Вайолет.

Значит, всё было сложнее, чем казалось утром на парковке. Что-то у них уже было, и Мэтт пытался из этого выбраться. А Мэллори не собиралась его отпускать. И оба каждый день улыбались Вайолет в лицо.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь.

Домой я вернулся минут через двадцать. Матери не было: на холодильнике висела записка, что она уехала выбирать новые шторы для гостиной. Вайолет стояла у открытого холодильника и пила апельсиновый сок прямо из пакета. Кардиган она сняла и бросила на спинку стула.

Увидев меня, она не убрала пакет и не закрыла дверцу.

— Куда это ты так сорвался?

Я достал из шкафа стакан и налил воды из-под крана.

— В школу. Бумажник в шкафчике оставил. С правами.

— Ты развернулся и уехал сразу за Мэттом.

— С острова одна дорога, Брукс. Мы тут все ездим друг за другом.

— Ты врёшь.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки бумажник и положил его на стол, между нами. Он пролежал там весь день.

— Нашёл.

Она посмотрела на бумажник. Потом на меня. Долго, не моргая, как вчера за ужином, когда я извинялся перед Ричардом.

— Мне плевать, где ты катаешься, Крейн, — сказала она наконец. — Только держись подальше от моих друзей.

Она закрыла холодильник, взяла кардиган и ушла наверх. Через минуту хлопнула её дверь.

Как скажешь, Брукс.

Она не дура. Она за минуту поняла, что я вру, и не поверила бы мне, выложи я на стол хоть десять бумажников. Мою мать она раскусила ещё зимой, по одним фотографиям, задолго до того, как в этом доме появились фарфоровые лошади.

Просто опасность она ищет там, где её ждёт. В доме, где пять лет лежал белый ковёр, а теперь стоят чужие коробки и скоро будут висеть чужие шторы. В моей матери. Во мне. Вчера к ней въехали двое чужих людей, и всё её внимание, вся её злость сейчас здесь, на Резервейшен-Террас.

А Мэтт и Мэллори — это то нормальное, что у неё осталось. Школа, компания, парень капитан команды. Туда она не смотрит, потому что ей нужно, чтобы хоть там всё было в порядке. Я знаю это по себе. Я лет до двенадцати не замечал, что со мной делает мать. Не потому, что был глупым. Мне просто больше некуда было деваться.

Отец говорил, что трещину в фундаменте поначалу не видно. Она тонкая, как волос. Потом в неё затекает вода, зимой вода замерзает и распирает бетон изнутри, и к весне трещину видит каждый. Ломать ничего не нужно. Нужно только дождаться холодов.

В Массачусетсе холода приходят к концу октября.

Глава 5

Аромат фиалки обманчив. Иононы, которые дают ей сладкий пудровый запах, сначала раздражают обонятельные рецепторы, а затем на время их блокируют. После нескольких вдохов человек перестаёт чувствовать запах цветка, хотя тот по-прежнему рядом.

Три дня Адам Крейн вёл себя как нормальный человек.

Это пугало сильнее, чем грязь на мамином ковре.

Он говорил «доброе утро» без дурацкой «сестрёнки». Передавал за ужином соль, если я за ней тянулась. Снимал ботинки у порога и ставил их ровно, носок к носку. В среду из химчистки привезли мамин ковёр, белый, как новый, и Адам обходил его по краю. Горячая вода по утрам теперь была всегда: он вставал раньше меня, и, когда я заходила в ванную, от него там оставались только запотевший край зеркала и запах.

Его запах.

Я поняла это в среду, когда стояла под душем и вдруг поймала себя на том, что принюхиваюсь. Аромат дорогой пены для бритья. Что-то древесное от геля для душа. И сквозь всё это — тот самый перец, которым с понедельника пропиталось полдома.

На полке над раковиной появились его вещи. Чёрная бритва. Тюбик зубной пасты, аккуратно выдавленный с конца. И флакон из чёрного стекла странной формы, без единого прямого угла. Явно дорогой.

Даже духи у него с выпендрёжем.

Я взяла его. Тяжёлый, тяжелее, чем казался. Повертела в руках. Поставила обратно, не открывая. Ещё чего не хватало.

К вечеру его запах менялся. Утром от Адама пахло резко, почти колко, чёрным перцем, от которого щипало в носу. А к ужину перец выдыхался, и оставалось что-то тёплое, сладковатое, похожее на смолу. И бензин. Бензин был всегда. Он въелся в его куртку, в руки, наверное, даже в волосы.

Понятия не имею, зачем я это запоминала. Но каждый раз, когда он проходил мимо я чувствовала шлейф.

За ужином он сидел напротив. Каждый вечер. Элеонора называла это нашими семейными традициями, хотя традиции было три дня.

Ел он медленно и аккуратно, будто его долго этому учили. И почти всё время смотрел на меня.

Не пялился. Пялиться — это когда человек отводит глаза, если его поймали. Адам не отводил. Я поднимала голову от тарелки, натыкалась на его взгляд, а он просто продолжал смотреть. Спокойно. Будто имел на это полное право.

Глаза у него были странные. Я наконец разглядела их в четверг, когда закатное солнце било в кухонное окно прямо ему в лицо. Светло-серые, почти прозрачные, а по краю радужки шёл тёмный чёткий ободок, словно кто-то обвёл её карандашом. Из-за этого ободка они и казались такими светлыми. И такими холодными.

Когда я говорила с отцом, он смотрел на меня. Когда я молчала, он смотрел на меня. Когда Элеонора в сотый раз рассказывала про шторы цвета шампанского, которые она заказала в гостиную вместо маминых, он тоже смотрел на меня. И в его взгляде было что-то похожее на понимание.

Да ну нахрен.

Он сам предложил начать с чистого листа. И вёл себя так, будто этот лист действительно чистый. Но я чувствовала его взгляд, даже когда сидела к нему спиной. На лестнице. В коридоре. На школьной парковке.

— Ты на него смотришь, — сказала Руби в четверг в столовой.

Она сидела напротив меня и ковыряла вилкой картошку фри, которую называла салатом, потому что сверху лежал один лист латука.

— Я смотрю, как бы его прибить.

— Это тоже взгляд, — Руби облизала соль с пальца. — Вай, я серьёзно. Я его полночи искала. Нашла одну инсту[2], на настоящее имя. Четырнадцать фоток, и все чёрно-белые. Мотоцикл под дождём. Мокрый асфальт. Ночная трасса, огни размазаны. Перчатка на баке. Ни одного лица! Ни одной подписи! Тиктока нет, фейсбука[3] нет. На сайте его старой школы нет ни одной фотки. Кто вообще так живёт?

— Нормальные люди.

— Маньяки, — уверенно сказала Руби. — Или агенты ФБР. Или у него в Бостоне очень ревнивая девушка, которая запрещает ему светить лицом.

Я посмотрела через столовую. Адам сидел один за столом у окна. На подносе у него стояли только кофе и яблоко, и он что-то читал в телефоне. Три девчонки из десятого класса уже дважды прошли мимо его стола с одними и теми же подносами. Он ни разу не поднял головы.

— Нет у него никакой девушки, — сказала я.

— А ты откуда знаешь?

Я не знала. Я просто была уверена.

Хорошо, что Руби не умеет читать мысли.

— Кстати, Мэл какая-то странная всю неделю, — Руби понизила голос. — В среду пришла в тёмных очках, представляешь? В школу. В помещении.

— Говорит, аллергия.

— На что в сентябре может быть аллергия?

— На амброзию, — сказала я. — Она от неё каждый год мучается.

Это была правда. Мэллори каждую осень ходила с красными глазами и пачкой салфеток в кармане. Я дружила с Мэл с шестого класса и ни разу не видела её без этой пачки в сентябре.

Мэтт плюхнулся на скамейку рядом со мной, поставил поднос и чмокнул меня в висок.

— О чём шепчетесь?

— О твоих бицепсах, — сказала Руби. — Вай считает, что они уменьшились за лето.

— Вай так не считает, — Мэтт обнял меня одной рукой и оглядел столовую с видом хозяина. Его взгляд зацепился за стол у окна. — О! Крейн!

Он словно не слышал.

— Крейн! — крикнул Мэтт через весь зал. — В пятницу у Бреннана, после игры. Приходи!

Адам поднял голову. Посмотрел на Мэтта. Потом на меня.

Я пнула Мэтта под столом.

— Ай! Вай, ты чего?

— Если сестрёнка не против, — сказал Адам.

Он сказал это негромко. Он вообще никогда не повышал голос, но его почему-то было слышно через всю столовую.

— Сестрёнка против, — ответила я.

— Тогда приду.

Руби подавилась картошкой.

В пятницу «Клипперс» обыграли Эймсбери в товарищеском матче, двадцать восемь — четырнадцать. Мэтт занёс два тачдауна и после каждого показывал на трибуну, прямо на меня,

---

[2] * Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

[3] * Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

и вся трибуна оборачивалась. Руби визжала мне в ухо. Я хлопала, улыбалась и делала всё, что положено делать девушке капитана.

Адама я заметила в третьей четверти. Он стоял не на трибуне, а внизу, у сетчатого забора со стороны парковки, со шлемом в руке. На поле он не смотрел.

Он смотрел на трибуну.

Я отвернулась первой.

Дом Бреннана стоял на берегу Мерримака: три этажа стекла, бассейн с подсветкой и собственный причал. Родители Бреннана уехали на Нантакет до воскресенья, и к десяти вечера в доме было человек сто. Музыка била так, что в бассейне шла рябь. На кухне играли в бир-понг, кто-то уже прыгнул в воду прямо в одежде, на лестнице целовалась парочка из драмкружка.

Я держала в руке красный пластиковый стаканчик с тёплым пивом. Для вида. Пиво я ненавидела с тех пор, как впервые попробовала его в восьмом классе.

Мэтт пил за троих. После победы это было что-то вроде традиции: парни из команды выстраивались у кухонного острова, и Бреннан разливал всем шоты. Каждый тачдаун — стопка. Каждый перехват — стопка. За капитана — две.

Рокот байка я узнала сразу, даже сквозь музыку. Через пару минут Адам вошёл в гостиную. Чёрная футболка, джинсы, кожаная куртка. На него обернулись так, будто вошёл кто-то знаменитый.

Мэллори оказалась рядом с ним раньше всех.

Она смеялась, запрокидывая голову, трогала его за рукав, что-то говорила ему на ухо, перекрикивая музыку. Очков на ней сегодня не было. Глаза всё ещё были немного припухшими.

Амброзия, — напомнила я себе.

Почему-то мне стало неприятно на это смотреть. Наверное, потому, что Мэл заслуживала кого-то получше, чем моего сводного братца-психа.

Адам взял у кого-то банку колы и весь вечер так с ней и ходил. Одна и та же банка. Я видела, как Бреннан пытался сунуть ему стопку, а он даже не повернул головы.

— Пошли, — Мэтт поймал меня за руку у кухни. Глаза у него блестели, от него пахло текилой и лаймом. — Пошли, покажу кое-что.

Он вывел меня через раздвижную дверь, мимо бассейна, вниз по деревянным ступеням к причалу. Музыка здесь превратилась в глухой стук, как у соседей за стенкой. Над рекой висел туман, на том берегу горели фонари Солсбери.

Мэтт прижал меня к перилам и поцеловал. Долго. Я обняла его за шею и на секунду подумала, что вот оно, нормальное. Мой парень. Победа. Река. Всё как у всех.

— Бреннан дал мне ключ от гостевой, — шепнул он мне в волосы. — Наверху. Там никого.

Я замерла.

— Мэтт.

— Вай, ну что «Мэтт»? — он отстранился и посмотрел на меня. — Мы полтора года вместе.

— Я знаю, сколько мы вместе.

— Все уже давно...

— Мне плевать на всех.

— Ты всегда говоришь «не сейчас». Всегда. — Он раздражённо выдохнул. — А когда? Когда тебе стукнет тридцать?

— Значит, не сейчас, Мэтт.

Он постоял ещё секунду, потом убрал руки с перил.

— Ладно. Как скажешь. Как всегда.

И ушёл к дому, не оглядываясь.

Я осталась на причале одна. Перила были мокрыми от тумана, и рукав моей кофты сразу отсырел.

Я не была готова. Не в чужой гостевой спальне, где наверняка пахнет чужим пивом. Не потому, что «все уже давно». Не после всех его стопок за капитана.

Почему я вообще должна оправдываться?

Когда я поднялась обратно к бассейну, у стены дома стоял Адам. Подсветка из воды бросала ему на лицо голубые блики, и от этого глаза у него казались совсем светлыми. Он смотрел на меня.

Слышал или нет, я так и не поняла.

— У воды холодно, — сказал он. — Иди в дом, Брукс.

— Ты мне не отец.

— Нет, — согласился он. — Не отец.

И отпил из своей бесконечной банки колы.

К полуночи Мэтта нигде не было. Ни на кухне, ни у бассейна, ни на лестнице. Я нашла его на втором этаже, по хохоту.

Дверь в ванную была распахнута настежь. Бреннан и ещё двое парней из команды стояли в проходе и снимали на телефоны. Мэтт сидел на полу, обнимая унитаз, мокрый, бледно-зелёный, со стопкой туалетной бумаги в кулаке. Его рвало.

— Капитан в отключке! — орал Бреннан. — Исторический момент, Клипперс!

Ну, конечно.

Я ведь говорила ему. Во вторник, у шкафчиков. Слово в слово.

Меня затопило сразу всё: злость, стыд и какая-то противная усталость. Все эти люди с телефонами. Мой парень на полу. Завтра это видео будет у половины школы, а послезавтра кто-нибудь пришлёт его моему отцу.

— Выключи, — сказала я Бреннану.

— Да ладно, Брукс, это же угар...

— Выключи, блять, телефон!

Он выключил.

Сзади кто-то тронул меня за локоть. Мэллори. Она стояла в коридоре с бутылкой воды в руке и не решалась подойти ближе.

— Может, ему хоть воды дать? — неуверенно спросила она.

Меня будто кипятком окатило.

— Вот ты и дай! — голос сорвался на крик, и парни в дверях разом заткнулись. — Хотите с ним возиться — возитесь! Держите ему голову, снимайте ещё одно видео, укладывайте его спать. Разбирайтесь с ним сами! Меня это всё уже достало!

— Вай...

Я развернулась и пошла вниз, расталкивая всех плечами.

Идите все нахрен!

Руби уехала ещё час назад с каким-то парнем из команды по плаванию. Приложение такси показывало сорок минут ожидания до Плам-Айленда. Звонить отцу в полночь с вечеринки, где сотня пьяных подростков, а у меня в руке стаканчик пива, — нет уж, спасибо. А утром ещё и Элеонора с её лицом.

Я вышла на крыльцо и села на ступеньку. Ноги гудели. В голове гудело.

— Поехали.

Адам стоял внизу, у дорожки. В руке у него был шлем.

— Ты пил?

— Нет.

— Я видела у тебя банку.

— Колы.

— Весь вечер одна и та же банка?

Он чуть наклонил голову.

— Ты считала?

Я не ответила. Он протянул мне шлем.

— Я никогда не ездила на мотоцикле, — сказала я, и это прозвучало жалко, по-детски, совсем не так, как мне хотелось.

— Держись крепче. На поворотах наклоняйся вместе со мной, не против. Ногу на выхлопную трубу не ставь, она горячая.

Он снял куртку и накинул её мне на плечи. Куртка была тяжёлой и ещё тёплой. Пахла кожей, бензином и тем, что осталось от перца к полуночи.

— А ты?

— А я не упаду.

— А шлем?

— Он один.

Я хотела сказать, что он идиот. Вместо этого надела шлем.

Хорошо хоть я была в джинсах.

Забираться на байк оказалось неудобно и страшно, он был высоким и каким-то живым, гудел подо мной, как огромное животное. Я села, вцепилась Адаму в футболку на боках и замерла.

— Не так, — сказал он, не оборачиваясь. — Обхвати меня. Руки сцепи спереди.

— Обойдёшься.

— Свалишься на первом же повороте.

Я обхватила его. Сцепила пальцы у него на животе.

Он тронулся, и меня сразу потянуло назад, будто кто-то схватил за шиворот. Я вскрикнула, вжалась в него и уткнулась шлемом ему в спину. Зажмурилась.

Мир превратился в шум. Рёв мотора, свист ветра, гул в ушах под шлемом. На поворотах байк кренился, и мне каждый раз казалось, что вот сейчас мы ляжем на асфальт. Я наклонялась вместе с Адамом, как он сказал, и мы не ложились.

Я держалась за него так, что у меня занемели пальцы.

А он дышал ровно. Я чувствовала это руками сквозь футболку: вдох, выдох, медленно, спокойно. Как будто он не нёсся сквозь ночь с перепуганной мной за спиной, а сидел в кресле с книгой.

Его спокойствие понемногу перетекало в меня. Через руки. Через спину.

Я открыла глаза, когда мы выехали на Тёрнпайк.

Справа и слева лежали чёрные солончаки, над ними висело небо, всё в звёздах, таких ярких, какие я видела только в детстве. Впереди, над островом, каждые несколько секунд вспыхивал зелёный луч маяка. Наш маяк. Он вёл нас домой.

Адам ни разу не разогнался. Я видела, как он гоняет по утрам. Сейчас он ехал так, будто вёз что-то, что может разбиться.

Мне больше не было страшно.

И вот это меня по-настоящему напугало.

Дом спал. Горел только фонарь над крыльцом. Адам заглушил мотор у гаража, и тишина навалилась так резко, что зазвенело в ушах.

Я слезла с байка. Ноги дрожали. Пальцы не сразу разжались, будто всё ещё держались за него. Я стянула шлем и отдала ему.

— Спасибо, — сказала я. Получилось почти шёпотом.

Он кивнул. В темноте у гаража его глаз было почти не видно, только два светлых пятна.

— Куртка, — вспомнила я и взялась за воротник.

— Оставь до утра. Замёрзнешь, пока дойдёшь.

До двери было десять шагов. Я не стала спорить.

По лестнице я поднималась босиком, с кедами в руках, чтобы не разбудить отца. Закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной. Луч маяка проплыл по стене. Раз. Два. Три.

Я стянула с плеч его куртку. Она оказалась тяжелее, чем я думала, и что-то тихо хрустнуло во внутреннем кармане.

Я не собиралась рыться в его вещах. Правда не собиралась.

Во внутреннем кармане лежала сломанная сигарета.

Одна. Ментоловая. С тонким зелёным ободком у фильтра.

Мои сигареты. Пачку, которую я уронила на террасе в понедельник, он вернул мне в коридоре. Я тогда даже не подумала её пересчитать. И зачем?

Адам не курил. За всю эту неделю я ни разу не видела его с сигаретой. Ни на террасе, ни на парковке, ни сегодня у Бреннана, где курил каждый второй.

Тогда зачем он носит в кармане мою?

Я сжала сигарету в кулаке, вышла в тёмный коридор и подняла руку, чтобы постучать в его дверь.

Дверь открылась раньше, чем я успела постучать.

Глава 6

Семена фиалки путешествуют не по ветру. К каждому из них прикреплён крошечный маслянистый придаток — элайосома. Муравьи принимают его за еду и уносят семена к себе в муравейник. Придаток они съедают, а само семя, целое и невредимое, остаётся в чужом доме, где однажды прорастёт.

Адам стоял на пороге в серой футболке и спортивных штанах, с телефоном в руке. Похоже, куда-то собирался. В половине второго ночи. Увидев меня, он замер.

Я впервые видела его удивлённым. По-настоящему. Он даже моргнул — один раз, медленно, будто проверял, не мерещусь ли я ему.

— Это что? — я разжала кулак.

На ладони лежали две половинки ментоловой сигареты. Из разлома мне на пальцы сыпался табак.

Он посмотрел на мою ладонь. Потом на меня. И ничего не сказал.

— Я спрашиваю, что это, Крейн? Зачем ты таскаешь в кармане мою сигарету?

— Тише.

— Не смей говорить мне «тише»! — я и не заметила, как перешла на крик. — Ты что, собираешь мои вещи? Это у тебя хобби такое? Ты вообще понимаешь, как это выглядит?

В конце коридора, под дверью родительской спальни, вспыхнула полоска света.

Адам среагировал раньше, чем я успела договорить. Схватил меня за локоть — крепко, но не больно — и одним движением втянул к себе в комнату. Дверь закрылась у меня за спиной без единого звука.

— Ты что творишь?! — прошипела я и выдернула руку. — Руки убрал!

Он отпустил сразу. Отступил на шаг и поднял ладони, будто я навела на него пистолет.

— Твой отец, — сказал он тихо. — Хочешь объяснять ему в половине второго ночи, почему ты орёшь у меня под дверью с сигаретой в руке? Пожалуйста. Только сначала он спросит, откуда у тебя сигареты.

Вот же гад.

Он был прав. Это бесило сильнее всего.

Я стояла посреди его комнаты. Комнаты, которую до этой недели мы называли гостевой и в которую я заходила только за старыми зимними одеялами.

Теперь здесь было чисто. Не «прибрано к приходу гостей», а по-настоящему чисто, как в гостиничном номере, где ещё никто не жил. Кровать заправлена так туго, что на покрывале не было ни одной складки. Окно приоткрыто, из него тянуло холодом и солью с залива. Пахло стиральным порошком, кожей и той тёплой смолой, которая оставалась от его духов к ночи.

У двери стояли мотоботы. Тяжёлые, чёрные, с металлическими вставками на носках. Ровно, носок к носку.

На спинке компьютерного кресла висела чёрная тряпка с прорезью для глаз. Балаклава, кажется. Или как там это называется у байкеров. Я видела такие только в фильмах про ограбление банков.

Очень успокаивает, Крейн. Спасибо.

На столе стояли два монитора. На одном светились строчки кода, белые и зелёные на чёрном. Клавиатура была без единой буквы на клавишах. Рядом — стакан воды и наш старый удлинитель.

У кровати на полу лежала стопка книг. Я наклонила голову, чтобы прочитать корешки. Оруэлл, «1984». Что-то толстое про мосты и несущие конструкции. Книга по программированию с каким-то зверем на обложке. И несколько тонких томиков манги с иероглифами и одним словом, латиницей: «Psycho-Pass».

Маньяк, — вспомнила я Руби. *Или агент ФБР.*

И ни одной фотографии. Ни на столе, ни на стенах, ни на тумбочке. Ни матери, ни отца, ни друзей, ни мифической девушки из Бостона. Будто у этого человека вообще никого не было.

— Ну? — я скрестила руки на груди. — Я жду.

Адам прислонился к столу. Посмотрел на мой кулак со сломанной сигаретой.

— Одна выпала из пачки, когда я её подбирал на террасе, — сказал он. — Сунул в карман и забыл.

— Забыл?

— Забыл.

Я обвела взглядом комнату. Ботинки носок к носку. Кровать без единой складки. Книги стопкой, корешок к корешку.

— Ты не похож на человека, который что-то забывает, Крейн.

Что-то мелькнуло у него в лице. Быстро, как луч маяка по стене, и снова темнота. Он сжал челюсть так, что под кожей дёрнулась мышца.

— Выброси, раз мешает, — сказал он ровно.

— Я сама решу, что мне выбрасывать.

Я положила обе половинки на его стол, рядом с клавиатурой без букв. Табак рассыпался по белой столешнице. Пусть убирает. Раз так любит порядок.

Он посмотрел на эти крошки так, будто я у него на глазах разбила что-то, что принадлежало ему.

Я вышла и закрыла за собой дверь. Он не сказал мне вслед ни слова. Но его взгляд я чувствовала спиной, пока не оказалась у себя.

Полоска света под родительской дверью уже погасла.

Я надела наушники, включила на повтор «Find Me» Mos Elian и легла поверх покрывала, не раздеваясь. Луч маяка полз по стене. Раз. Два. Три.

Сунул в карман и забыл. Ну, конечно.

Я начала считать. Не лучи — его.

Во вторник он уехал из дома сразу за Мэттом, а потом соврал мне про бумажник. В пятницу на игре стоял у забора и смотрел не на поле, а на трибуну. У Бреннана весь вечер ходил с одной и той же банкой колы. Стоял у стены, когда я поднялась с причала. Появился у крыльца ровно тогда, когда мне не на чем было уехать домой.

И сигарета.

Он всегда оказывался рядом. Всегда вовремя. Слишком вовремя.

От этого становилось холодно где-то под рёбрами.

Я перевернулась на бок и уставилась в стену.

А с другой стороны... Он довёз меня до дома. Отдал мне свой единственный шлем и поехал без него. Накинул на меня свою куртку, не спрашивая. Ни разу не разогнался, хотя я видела, как он гоняет по утрам. Схватил меня за локоть — и отпустил сразу, как только я сказала.

Он приехал на вечеринку на байке и весь вечер пил колу. Как будто знал, что кому-то понадобится трезвый водитель.

Как будто знал, что этим кем-то буду я.

Да что с тобой не так, Крейн?

Песня закончилась и началась заново. Я так и не поняла, чего во мне больше — злости или страха. Но одно я решила точно.

Если он следит за мной, я тоже буду следить за ним.

В субботу Мэтт написал в обед. «Детка, прости. Я свинья». Через час: «Поговорим во вторник?» Я не ответила ни на одно.

Адам все выходные пропадал. Утром в субботу уехал на байке и вернулся затемно. В воскресенье то же самое. И в понедельник, в День труда, тоже. За ужином сказал отцу «спасибо» и «нормально», и больше ничего. На меня он почти не смотрел.

Почему-то это было хуже, чем когда смотрел.

Во вторник в семь тридцать Мэтт не приехал.

В семь тридцать одну пришло сообщение: «Вай, мать забрала у меня ключи на неделю. Из-за пятницы. Прости. Доберёшься?»

Отец уехал ещё в семь: у него была какая-то ранняя встреча в Бостоне. Элеонора по вторникам ездила на пилатес. Школьный автобус проходил по острову в семь десять, и я его, конечно, уже пропустила.

Отлично. Просто отлично.

Я стояла на крыльце с рюкзаком и думала, сколько будет стоить такси и сколько оно будет ехать до Плам-Айленда, когда из гаража выкатился байк.

Адам остановился у ступенек и снял шлем.

— Поехали.

— Нет.

— Первый урок через двадцать пять минут.

Я ничего не ответила. Он кивнул на сиденье.

Там лежал второй шлем. Чёрный, матовый, новенький. На ремешке ещё болталась бирка из магазина.

— Ты купил второй шлем?

— В субботу.

— Зачем?

— Чтобы не ездить без шлема.

Он сказал это так просто, будто речь шла о хлебе. Будто это нормально — в субботу утром поехать и купить шлем для человека, который накануне ночью орал на тебя у твоей же двери.

Я оторвала бирку и надела шлем. Он оказался ровно моего размера.

Даже знать не хочу, как он угадал.

В этот раз я держалась за его куртку по бокам, а не обнимала. Он ничего не сказал. Только поехал ещё медленнее.

На школьной парковке на нас уставились все. Абсолютно все. Двое парней из команды присвистнули. Какая-то девчонка из десятого класса толкнула подругу локтем и кивнула в нашу сторону. Я спиной слышала, как по парковке ползёт шёпот: «Брукс... с братом... а где Мэтт?..»

Я слезла с байка, сняла шлем и сунула его Адаму в руки.

— Спасибо, — сказала я, не глядя на него.

И пошла ко входу одна. Быстро. Не оборачиваясь.

Внутри у меня всё ходуном ходило. Я злилась на него за сигарету и за этот чёртов шлем ровно моего размера. Злилась на Мэтта за пятницу, за ключи, за «доберёшься?». Злилась на себя за то, что всю дорогу до школы мне было спокойно. А ещё за то, что мне хотелось обернуться и проверить, смотрит ли он мне вслед. Просто чтобы знать.

Я не обернулась.

Вторым уроком была литература. Миссис Олбрайт вторую неделю мучила нас «Великим Гэтсби».

— Обратите внимание на финал первой главы, — говорила она, расхаживая между партами. — Гэтсби стоит на берегу ночью и тянет руки к воде. К зелёному огоньку на другой стороне залива. На причале у дома Дейзи. Он смотрит на этот огонёк годами. Что для него этот свет?

— Надежда, — сказал кто-то с первой парты.

— Мечта, — сказал кто-то ещё.

Я смотрела в окно. Там, за футбольным полем и крышами, где-то над заливом стоял наш маяк. Отсюда его не было видно, но я знала, где он.

Я всегда считала, что Гэтсби — это красиво. Человек, который годами смотрит через залив на один-единственный огонёк.

Сегодня мне впервые пришло в голову, что это жутко. Взрослый мужчина каждую ночь стоит в темноте и смотрит на чужой дом.

Слишком много зелёного в моей жизни. Маяк. Байк. Теперь ещё и этот огонёк.

— Мисс Брукс? — миссис Олбрайт остановилась у моей парты. — Вы с нами?

— Простите, — сказала я. — Задумалась про зелёный свет.

Она одобрительно кивнула и пошла дальше. А я ещё долго смотрела в окно.

Мэтт ждал меня у шкафчика перед обедом. С двумя стаканами кофе в руках, бледный, в тёмных очках, хотя в коридоре не было никакого солнца. Увидев меня, он снял очки. Глаза у него были красные.

— Латте с ореховым сиропом, — он протянул мне стакан. — Как ты любишь.

Я взяла.

— Вай, я свинья, — сказал он. — Полная. Бреннан мне всё рассказал. Я не помню половину вечера, но то, что помню... Прости. Я больше так не буду. Обещаю.

Я смотрела на него. Капитан «Клипперс», двенадцатый номер. Сейчас он стоял передо мной, как побитый щенок, и ждал.

Про причал он не сказал ни слова. Ни про ключ от гостевой, ни про «когда тебе стукнет тридцать». Как будто этого не было.

Может, он и правда не помнил.

А может, ему просто было удобнее не помнить.

— Проехали, — сказала я.

— Правда? — он выдохнул так, будто с него сняли рюкзак с камнями. — Мы в порядке?

— В порядке.

Он потянулся меня обнять, и я как раз в этот момент открыла шкафчик и полезла за учебником. Мэтт неловко опустил руки.

У него в кармане завибрировал телефон. Он достал его, глянул на экран и положил на полку моего шкафчика. Экраном вниз.

Раньше Мэтт никогда не прятал от меня экран.

Мимо прошла Мэллори. В солнечных очках. Мэтт вдруг очень заинтересовался своим кофе.

Я стояла с учебником в руках и не могла понять, что не так. Всё было как всегда: Мэтт, кофе, шкафчик, коридор. Но что-то сдвинулось. Как будто в знакомой с детства комнате кто-то переставил мебель на пару сантиметров, и ты всё время задеваешь углы.

В столовой Руби набросилась на меня, не дав сесть.

— Ты видела? Ты видела?!

— Что?

— Видео! — она сунула мне под нос телефон. — Его нет! Нигде! Бреннан удалил всё. Из сторис, из чата команды, отовсюду. И написал в общий чат: «Кто перешлёт — тому конец». Бреннан, Вай! Который в прошлом году продавал скриншоты чужих переписок по пять баксов за штуку!

Я села.

— Может, его Мэтт попросил.

— Мэтт был в отключке до воскресенья, он сам в чате писал, — Руби понизила голос и наклонилась ко мне через стол. — А теперь угадай, с кем Бреннан сегодня утром стоял на парковке. До звонка. Минуты две, не больше.

Мне не нужно было гадать.

— Бреннан потом весь первый урок был белый, как салфетка, — прошептала Руби. — Что твой братец ему сказал?

Я посмотрела через столовую.

Адам сидел один за тем же столом у окна. Кофе и яблоко. Он читал что-то в телефоне. Потом, будто почувствовал, поднял глаза и посмотрел прямо на меня.

В этот раз первой я не отвернулась.

Вечером я, как всегда, выложила в истории маяк. Луч над тёмной водой, без подписи. Я выкладывала его почти каждую ночь уже два года.

Через минуту пришёл первый просмотр.

Я никогда не обращала внимания, кто смотрит мои истории. Но сегодня я открыла список.

Первым стоял профиль с картинкой вместо фотографии, явно сгенерированной нейросетью. И какое-то японское имя.

И тут я поняла, что видела эту аватарку и раньше. Много раз. Краем глаза, не задумываясь. Всегда первой в списке. С весны.

Я открыла его.

Ноль публикаций. Ноль подписчиков. Одна подписка.

Я.

Японское имя. Лицо, которого не существует.

У Адама был настоящий аккаунт, на его имя. Чёрно-белый байк, мокрый асфальт, ночная трасса, ни одного лица. Руби откопала его ещё в первую неделю. И под каждой фотографией Элеонора: «Мой красивый мальчик» и три сердечка. С такого аккаунта на меня не подпишешься. Его мать увидела бы это раньше, чем я.

Я вспомнила стопку книг у его кровати. Томики с иероглифами на корешках.

Я встала, подошла к двери и приоткрыла её. Коридор был тёмным.

Под дверью Адама горел свет.

Глава 7

Канадские журавли ночуют стоя на мелководье, выбирая самые широкие и открытые участки реки. Многие спят на одной ноге, поджав другую под перья. Но даже ночью, по словам орнитологов, эти птицы всегда начеку.

Трезвый человек на вечеринке видит больше всех.

Это я понял ещё в прошлой школе. Пьяные смотрят друг на друга. Трезвый смотрит на всех сразу.

К дому Бреннана я подъехал в начале одиннадцатого. Заглушил мотор у самого забора, повесил шлем на руль. Через стеклянную стену было видно человек сто. Музыка била так, что дрожала вода в бассейне.

У входа кто-то сунул мне в руку банку колы. Я её открыл и не выпускал из рук до конца вечера. С банкой в руке тебе не предлагают выпить. Почти.

Бреннан предложил дважды. Оба раза я не повернул головы.

Мэллори нашла меня через две минуты. Встала слишком близко, трогала меня за рукав и смеялась, запрокидывая голову. Смеялась громко, чтобы было слышно у кухонного острова. Там стоял Мэтт.

Я ей не мешал. Наоборот, наклонялся, когда она что-то говорила мне на ухо, и даже пару раз улыбнулся. Каждый раз, когда я улыбался, Мэтт опрокидывал ещё одну стопку.

Удобно, когда люди сами делают за тебя работу.

— Он такой придурок, когда пьёт, — сказала Мэллори, не глядя на Мэтта. Слишком старательно не глядя.

— Кто? — спросил я.

Она поняла, что сказала лишнее, и засмеялась снова.

Бреннан разливал у острова. Каждый тачдаун — стопка, за капитана — две. Я взял с подноса два шота, отнёс Мэтту и поднял свою банку.

— За капитана.

— Крейн! — он хлопнул меня по плечу. — Бро! Ты нормальный, ты знаешь? Я сразу понял, что ты нормальный.

Он выпил обе. Через двадцать минут я принёс ещё две.

Пока Бреннан разливал, я снимал на телефон. Не его стопки за капитана. Другое. Как он у раковины наливает водку в пластиковые стаканчики трём пацанам из девятого класса, а они суют ему мятые пятёрки. Как он пересчитывает купюры. Как показывает кому-то на кухне права с чужой фотографией и смеётся.

Никто не смотрел на парня с банкой колы. Пьяные смотрят друг на друга.

Около одиннадцати Мэтт поймал Вайолет за руку и повёл к бассейну, а оттуда вниз, к причалу. Я вышел следом и встал у стены дома, туда, где не доставал свет.

Слов я не слышал. Над рекой висел туман, музыка глушила всё. Но через десять минут Мэтт поднялся по ступенькам один. Злой, быстрый, с опущенной головой. Мимо меня он прошёл, даже не заметив.

Что бы там ни было, он услышал «нет». Это было видно по его спине.

Потом поднялась она. Мокрый рукав, обхватила себя руками.

— У воды холодно, — сказал я. — Иди в дом, Брукс.

— Ты мне не отец.

— Нет, — согласился я. — Не отец.

После этого я принёс Мэтту ещё две стопки.

К полуночи он висел над унитазом на втором этаже, а Бреннан с парнями снимали это на телефоны. Я стоял на лестнице, двумя ступенями ниже, и смотрел.

Она закричала на Бреннана, и он выключил телефон. Потом она закричала на всех сразу, и в доме, где гремела музыка, вдруг стало тихо. Даже парни в дверях заткнулись.

Вот она.

Мэллори стояла с бутылкой воды и не знала, куда деть глаза. Вайолет прошла мимо меня вниз, расталкивая всех плечами. Меня она не заметила.

Мэллори помедлила секунд пять. Потом зашла в ванную к Мэтту.

Пусть.

Я спустился вниз и вышел на улицу. Мне не нужно было её догонять. Нужно было только подождать.

Руби уехала в 23:07, с парнем из команды по плаванию. Я видел, как они садились в «Хонду». Такси до острова в пятницу ночью ехало сорок минут. Это я проверил ещё в одиннадцать. Звонить отцу она не стала бы: к утру об этом знала бы моя мать. Других вариантов у неё не было.

Она вышла на крыльцо и села на ступеньку.

Я дал ей посидеть минуту. Потом сказал:

— Поехали.

Шлем у меня был один. Я отдал ей свой. Если бы мы легли на асфальт, разбился бы я, а не она. Меня это устраивало.

Двадцать две минуты от дома Бреннана до нашего гаража. Там, где я обычно еду девяносто миль в час, я ехал сорок. Не потому, что боялся. Просто шлем был на ней, а не на мне.

Я был счастлив.

Наверное, это так называется. Ровный пульс, ясная голова и полное ощущение, что всё идёт ровно туда, куда нужно.

Дома она поднялась к себе, а я остался внизу, в тёмной кухне. Выпил стакан воды. Потом ещё один. Внутри всё гудело, как мотор на холостых. Мне нужно было проехаться. Час, может, два, по пустой трассе вдоль побережья, на ста шестидесяти. Иначе я бы не уснул.

Я поднялся за телефоном и уже открывал дверь, когда понял, что она стоит в коридоре.

С кулаком, протянутым ко мне.

На ладони лежала моя сигарета. Её сигарета. Сломанная пополам.

Я отдал ей куртку и забыл, что лежит во внутреннем кармане.

Первая ошибка за полгода.

Я ненавижу, когда меня застают врасплох. С детства. Если мать заставала меня врасплох, это всегда заканчивалось плохо. И сейчас я стоял на пороге собственной комнаты, как идиот, и моргал.

Она начала кричать.

Под дверью родительской спальни вспыхнул свет. Я посчитал за полсекунды: Ричард выйдет, увидит её у моей двери в половине второго ночи, с сигаретой в руке. Спросит, что происходит. Она скажет. Мать узнает к завтраку.

Я взял её за локоть и втянул к себе. Закрыл дверь.

Она вырвала руку. Я отпустил сразу. Поднял ладони. Объяснил про отца. Она замолчала, потому что я был прав, и я видел, как её это бесит.

А потом она начала смотреть.

Она стояла посреди моей комнаты и разглядывала её так, как я разглядываю людей. Мотоботы у двери. Балаклаву на кресле. Мониторы. Стопку книг у кровати. Я видел, как она наклонила голову, чтобы прочитать корешки. Видел, на каком задержалась дольше всего.

Мне понравилось на это смотреть.

— Одна выпала из пачки, когда я её подбирал на террасе, — сказал я. — Сунул в карман и забыл.

— Забыл?

— Забыл.

Она обвела взглядом комнату. Ботинки, кровать, книги.

— Ты не похож на человека, который что-то забывает, Крейн.

Она была права. Я не забываю. Никогда и ничего.

Она положила обе половинки на мой стол. Табак рассыпался по белой столешнице. Потом вышла и закрыла за собой дверь.

Я стоял и смотрел на эти крошки.

Потом сгрёб их ладонью, вместе с обеими половинками, и ссыпал в жестянку из-под мятных леденцов. Жестянку убрал в нижний ящик стола.

Я не курю ментол. Но выбрасывать то, что принадлежит ей, я не собирался.

Название манги на корешке она прочитала. Я это видел. Переименовать второй аккаунт можно за десять секунд.

Я не стал.

Мне было интересно, сколько ей понадобится времени.

Проехаться в ту ночь я так и не поехал. Лёг поверх покрывала и до рассвета смотрел в потолок. Пульс был ровным. Шестьдесят два. Я проверил.

В субботу утром я поехал в Портсмут. Там, за границей штата, нет налога с продаж и есть нормальный мотомагазин. Купил второй шлем, чёрный, матовый.

Размер я знал. Мой шлем был ей велик на два размера: когда она его снимала у гаража, он соскочил с неё, почти не задев уши. Значит, S.

Остаток выходных я провёл не дома. Специально. После пятницы она начала за мной следить, я понял это ещё в своей комнате. Человеку, за которым следят, лучше на пару дней стать скучным.

В воскресенье я сидел в кофейне в Ньюберипорте и разбирал то, что снял у Бреннана. Девятиклассники, водка, пятёрки. Чужие права. Хорошие, чёткие кадры. Бреннан сам хвастался в пятницу всем, кто стоял рядом, что в октябре на его игру приезжает скаут из Бостонского колледжа. Три раза рассказал. Я запомнил.

Во вторник, после длинных выходных, я встал в шесть.

Душ я принимал холодный. Горячую воду я теперь оставлял ей. Зеркало всё равно запотело. Я провёл по нему ладонью.

Мать называет меня «мой красивый мальчик». Таким тоном говорят про удачно купленную машину.

Девятнадцать лет. Метр девяносто пять. Плечи, из-за которых мне не подходит половина курток в магазинах. Тело я собирал в спортзале несколько лет, как собирают мотор: по детали, по расписанию, без удовольствия. Тёмные волосы, мокрые, падали на лоб. Отросли. Мать просила подстричься, поэтому я не стригся.

Глаза светло-серые, с тёмным ободком по краю радужки. Девчонки говорили, что у меня волчьи глаза. Ни одна из них ни разу не видела волка.

Над левой бровью тонкий белый шрам. Асфальт под Вустером, мне было шестнадцать.

Челюсть тяжёлая, квадратная. Ямка на подбородке — отцовская. Единственное, что мне от него досталось, кроме фамилии и денег, которых я пока не видел.

Губы — матери. Полные, красиво очерченные, как у неё на всех фотографиях. Это злило меня больше всего. Каждое утро я видел в зеркале кусок её лица.

Левая рука от плеча до запястья была забита чёрной графикой. Линии, углы, обрывки геометрии, которые цепляются друг за друга и никуда не ведут. Смысла в рисунке не было никакого. Я набил его в семнадцать, за три сеанса, у мастера, который не спросил документов, и мать до сих пор пытается найти в нём буквы. Ей кажется, что, если поискать как следует, там обязательно что-то будет.

Я улыбнулся отражению.

Получилось хорошо. Тепло, чуть смущённо, как улыбаются хорошие парни в сериалах. Этой улыбке я научился у матери в девять лет. Она отрабатывала её перед зеркалом в прихожей каждый раз перед приходом гостей. Я стоял за дверью и смотрел.

Потом я перестал улыбаться, и лицо снова стало моим. Пустым.

Таким оно нравилось мне больше.

Я взял с полки флакон. Два нажатия: шея, запястье.

Флакон мне никогда не нравился. Ни одного прямого угла. Я терпел его ради того, что внутри.

В семь тридцать «Рэнглер» не приехал. В семь тридцать одну у неё в руке завибрировал телефон, и по тому, как опустились её плечи, я понял всё остальное.

Шлем лежал в гараже с субботы. Бирку я специально не срезал. Пусть видит, что он новый. Пусть думает, зачем.

Довёз я её за одиннадцать минут. В этот раз она держалась за мою куртку по бокам. Я не стал ничего говорить. Только поехал медленнее.

На парковке она сунула мне шлем, сказала «спасибо», не глядя, и ушла одна. Не обернулась.

Правильно. Я бы тоже не обернулся.

Бреннан стоял у своего пикапа и ржал с кем-то по телефону. Увидев меня, ухмыльнулся.

— О, трезвенник!

— Две минуты, — сказал я.

Он закончил звонок. Я развернул к нему экран телефона и включил видео. Его кухня. Его раковина. Три пацана, которым по четырнадцать. Водка в пластиковых стаканчиках. Пятёрки. Его лицо крупным планом, пока он пересчитывает деньги.

Ухмылка с него сползла не сразу. Сначала ушла улыбка, потом цвет. Страх у всех выглядит одинаково. Меня это никогда не трогало. Мне просто интересно смотреть.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Видео из ванной. Удали отовсюду. Из историй, из чата команды, из облака. Напиши в общий чат, что тому, кто перешлёт, конец. А оригинал скинь мне.

— Тебе-то оно зачем?

Я не ответил.

— А если нет?

— Тогда в октябре это увидят тренер, скаут из Бостонского колледжа и твой отец. В таком порядке.

Он смотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Ты больной, Крейн.

— Возможно. И ещё. Если Мэтт что-то говорит, что-то делает, с кем-то куда-то едет, я хочу об этом знать.

— Он мой лучший друг.

— Я не прошу тебя его сдавать. Я прошу тебя мне писать.

— Это одно и то же.

— Да, — сказал я. — Две минуты прошли.

К первому звонку видео не было нигде. В 8:14 оригинал пришёл мне в личку.

Зачем мне это видео?

Затем, что жалкий Мэтт — это Мэтт, которого прощают. Над ним ржала бы вся школа, а над ней — ещё громче: «Брукс, это твой парень?» И она бы его защищала. Девчонки вроде неё не бросают тех, кого топчут. Они встают рядом. Через неделю она стояла бы за него горой.

Мне не нужна её жалость к нему. Мне нужно, чтобы она сама увидела, кто он. Когда придёт время.

А пока у меня есть Бреннан. Лучший друг Мэтта, хозяин дома, где проходят все вечеринки, и человек, который знает всё. И есть единственная копия видео, на котором капитан «Клипперс» обнимает унитаз.

Такие вещи не выбрасывают. Они пригождаются.

В столовой я сидел у окна. Кофе, яблоко, телефон. Руби что-то шептала ей через стол, и по тому, как Вайолет медленно повернула голову в мою сторону, я понял, о чём.

Она смотрела на меня. Долго. Не отводя глаз.

Я подождал. Потом отвернулся первым.

Пусть думает, что выиграла.

Вечером она, как всегда, выложила маяк. 23:04. Луч над чёрной водой, без подписи.

Я посмотрел его в 23:04. Как всегда. Первым.

Потом откинулся на спинку кресла и стал ждать.

Минут через двадцать в коридоре скрипнула половица. Та, что у её двери. Я знал её звук с первого вечера.

Шагов больше не было. Значит, она стоит у своей двери и смотрит через коридор на полоску света под моей.

Я протянул руку и выключил лампу.

Глава 8

У фиалки есть и другой способ отправить семена в путь. Созревшая коробочка высыхает и раскрывается на три створки, а те, сжимаясь, выстреливают семенами на несколько шагов от материнского растения.

Полоска света под его дверью погасла.

Не сама по себе. Её выключили. Ровно в ту секунду, когда я на неё посмотрела.

Я закрыла дверь, повернула замок и села на кровать с телефоном в руках. Сердце колотилось так, будто я пробежала от пляжа до дома.

Ладно, Крейн. Хочешь поиграть? Давай поиграем.

Пустой профиль смотрел на меня нарисованным лицом. Слишком гладкая кожа, слишком правильный нос, слишком честные глаза. Под аватаркой стояло имя: Kogami Shinya.

Я нажала «Написать».

«Я знаю, кто ты».

Отправила. Подумала секунду и добавила:

«Ещё раз посмотришь мою историю — покажу это отцу».

Под сообщением почти сразу появилось «Просмотрено».

И всё.

Ни ответа, ни точек, которые бегают, когда человек печатает. Ничего. Я сидела и смотрела на это «Просмотрено» минут пять. Потом сделала скриншот профиля. Потом скриншот переписки. Потом ещё один, на всякий случай.

Улики, Вайолет. Собирай улики.

Спала я плохо. Каждый скрип в доме казался мне шагами. Луч маяка полз по стене, и я считала его, как в детстве считала овец. На двести каком-то я сбилась.

Утром профиля не было.

«Пользователь не найден». Серый кружок вместо нарисованного лица. Переписка осталась, но вместо имени висело безликое «Пользователь Instagram[4]».

Я открыла галерею. Скриншоты были на месте. Лицо, которого не существует. Японское имя. Ноль публикаций. Одна подписка — я.

И ни одного доказательства, что это он.

Вот же сволочь.

На кухне пахло кофе и чем-то зелёным из блендера. Элеонора в шёлковом халате резала сельдерей. Отец стоял у окна с чашкой и читал новости. Адам сидел за столом и ел овсянку. Спокойно, аккуратно, как всегда. Волосы ещё мокрые после душа.

Я налила себе кофе и села напротив.

— Как спалось? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Как всегда.

— А мне вот не спалось. Всю ночь думала.

— О чём?

Я отпила кофе и посмотрела ему прямо в глаза.

— Кто такой Когами Шинья?

Элеонора перестала резать сельдерей. Отец оторвался от телефона.

Адам даже не моргнул.

---

[4] * Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

— Персонаж из аниме, — сказал он. — «Психопаспорт». Детектив, которого система признала потенциальным преступником. Его оставили работать, но уже не следователем, а ищейкой. Чтобы ловить таких же, как он.

— Какая прелесть! — Элеонора прижала нож к груди. — Ричард, ты слышал? У них общие интересы!

— Это хорошо, — улыбнулся отец. — Очень хорошо.

Охренительно, пап. Просто охренительно.

— И чем всё закончилось? — спросила я. — С этим Когами.

Адам доел овсянку и отнёс тарелку в раковину. Сполоснул. Поставил в сушилку. Потом обернулся.

— Он нашёл того, за кем охотился.

— И?

— Посмотри сама, Брукс. Там три сезона.

Он взял куртку со спинки стула и шлем с подоконника.

— Подвезти?

— Я на автобусе.

— Как хочешь.

Он ушёл. Через минуту за окном взревел байк.

— Вайолет, детка, — сказала Элеонора, — ну зачем же на автобусе, если Адам...

— Затем, — сказала я и встала.

На школьном автобусе я не ездила с девятого класса. Он пах так же, как и тогда: резиной, чужими чипсами и чьим-то сладким дезодорантом. Я села в самый конец, к окну, и всю дорогу думала об Адаме.

Какого хрена он делает?

Руби поймала меня у шкафчика.

— Ты выглядишь как зомби, — радостно сообщила она. — Что случилось?

Я молча сунула ей телефон со скриншотами.

Руби листала долго. Сначала хмурилась, потом подняла брови, потом присвистнула.

— Когами Шинья, — прочитала она. — Это же из аниме. Мой брат смотрел.

— Знаю.

— Подписан только на тебя?

— Был подписан. Утром аккаунт удалили.

— Ого. — Руби вернула мне телефон. — Вай, а с чего ты взяла, что это он?

Я рассказала. Про сигарету в куртке. Про книги у кровати. Про то, как погас свет под его дверью, едва я на него посмотрела.

Руби слушала и кусала губу.

— Ладно, это стрёмно, — признала она. — Реально стрёмно. Но ты же понимаешь, что это может быть кто угодно? Половина школы сидит с фейков. Бреннан сидит с трёх. Я сама в восьмом классе завела фейк, чтобы следить за Тайлером Морганом.

— Тайлер Морган ел клей.

— Тайлер Морган был моей первой любовью, не трогай Тайлера Моргана, — Руби вздохнула. — Я к тому, что доказать ты ничего не можешь. Ну придёшь ты к папе. «Папа, мой сводный брат полгода смотрит мои истории, а ещё у него манга на полу». И что он скажет?

Я знала, что он скажет. Он скажет: «Вайолет, детка, ты устала». А Элеонора за его плечом сделает своё особое лицо.

— Я его достану, — сказала я.

— Только без убийств, ладно? — Руби захлопнула мой шкафчик. — У меня в субботу у бабушки юбилей, мне нужна подружка с алиби.

Бреннана я увидела после второго урока. Он стоял у окна в конце коридора и что-то листал в телефоне. Увидев меня, дёрнулся, будто хотел уйти, но не успел.

— Бреннан. — Я остановилась перед ним. — Спасибо за видео.

— Какое видео?

— Которое ты удалил. Отовсюду.

Он побледнел. Не сразу, а постепенно: сначала исчезла его вечная ухмылка, потом цвет с лица.

— Скажи своему брату, что я всё сделал, — быстро сказал он. — Всё, как он сказал. Ладно?

Внутри у меня всё похолодело.

— Как он сказал?

— Ничего. — Бреннан сунул телефон в карман. — Забудь, Брукс.

И ушёл. Почти бегом. Бреннан, который в прошлом году на спор съел живую креветку на школьной вечеринке и ни разу в жизни ничего не боялся.

Я стояла посреди коридора, и мимо меня текли люди. Кто-то задел меня рюкзаком. Кто-то крикнул «Брукс, привет!». Я не ответила.

Что ты с ним сделал, Крейн?

В столовой Мэтт сел рядом со мной, поцеловал в висок и весь обед рассказывал, как его мать орала на него в субботу. Он смешно её изображал, и все за столом смеялись. Я тоже смеялась.

Мэллори сидела на другом конце стола. Не смеялась. Ковыряла салат и ни разу не посмотрела в нашу сторону.

Раньше она всегда сидела рядом с Мэттом и подкалывала его громче всех. Они с шестого класса цапались, как брат с сестрой.

А сегодня они не сказали друг другу ни слова.

Это из-за меня, — поняла я. *Это я на неё наорала в пятницу. Это я сказала «разбирайтесь с ним сами». А она ведь просто хотела помочь.*

После обеда я догнала её у туалета.

— Мэл. Слушай. Прости за пятницу. Я тогда была не в себе. Ты ни при чём, правда.

Она посмотрела на меня. Глаза у неё опять были красными.

Амброзия, — напомнила я себе.

— Всё нормально, Вай, — сказала она. — Правда. Всё нормально.

И обняла меня. Крепко, как будто это я её простила, а не наоборот.

Домой я вернулась на автобусе. Адама не было. Байка у гаража тоже. Я переоделась, взяла пачку сигарет и спустилась на пляж.

Солнце уже садилось. Песок был холодным, и с океана тянуло сыростью. Маяк ещё не включили, он стоял белым столбом на краю острова и ждал темноты.

Я дошла до воды и только там поняла, что на песке я не одна.

Адам сидел на старом перевёрнутом ялике у дюн. Шлем лежал рядом, куртка была расстёгнута. Он смотрел на воду. Байк, значит, оставил где-то на дороге и пришёл пешком через дюны.

Конечно. Где же ещё тебе быть.

Я могла развернуться и уйти. Вместо этого я подошла и встала прямо перед ним, загородив ему океан.

— Когами Шинья, — сказала я.

— Ищейка, — ответил он.

— Ты удалил аккаунт.

— Какой аккаунт?

— Не держи меня за дуру, Крейн.

Он поднял на меня глаза. В закатном свете они были почти прозрачными, как вода у самого берега.

— Я никогда не держал тебя за дуру, Брукс. Ни одной секунды.

— А Бреннан?

— Что Бреннан?

— Бреннан боится тебя до усрачки. Он сегодня чуть не убежал от меня по коридору. «Скажи брату, что я всё сделал, всё, как он сказал». Что ты ему сказал?

Адам помолчал. Где-то за дюнами закричала чайка.

— Бреннан продаёт водку девятиклассникам, — сказал он наконец. — По пять долларов за стопку. Ему полезно чего-нибудь бояться.

У меня по спине пробежал холодок.

— Откуда ты знаешь?

— Я был на вечеринке трезвым. Трезвые всё видят.

— И ты его... что? Шантажировал?

— Я его попросил.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла о соли за ужином.

— Зачем? — я сжала пачку сигарет так, что она смялась. — Зачем тебе это видео, этот аккаунт, моя сигарета, Бреннан? Зачем тебе всё это, Крейн?

Он встал. Медленно. Сразу стал выше меня на голову, и мне пришлось задрать подбородок, чтобы не отвести взгляд.

— Однажды ты сама скажешь мне спасибо, — сказал он.

— За что?

— Узнаешь.

Он поднял шлем и пошёл через дюны к дороге. Не оглядываясь. Песок осыпался у него под ботинками.

— Держись от меня подальше! — крикнула я ему в спину.

— Мы живём через коридор, Брукс, — ответил он, не оборачиваясь.

Я осталась одна у воды. Смятая пачка в кулаке. Холодный песок. Сырость с океана.

За спиной, над островом, зажёгся маяк. Зелёный луч прошёл по воде, по песку, по моим ногам и ушёл дальше, в темноту.

Раз. Два. Три.

Я достала телефон, чтобы сфотографировать его, как делала почти каждый вечер два года подряд.

И убрала обратно.

Глава 9

Пара журавлей кричит в унисон. Самец тянет одну долгую ровную ноту, а самка отвечает ему двумя короткими на каждую его. Этим общим криком пара объявляет болото своим. Для всех остальных журавлей он означает одно: держитесь подальше.

«Держись от меня подальше».

Я так и сделал.

Не потому, что она попросила. Потому что это был лучший ход из всех, что у меня оставались.

Утром я говорил «доброе утро» и уезжал раньше неё. В школе сидел за своим столом у окна. За ужином говорил Ричарду «спасибо» и «нормально» и смотрел в тарелку. В коридоре уступал ей дорогу. Первым.

Она следила за мной. Я это знал. Человек, который следит, всегда немного опаздывает с поворотом головы. Она опаздывала на полсекунды. Каждый раз.

Пусть смотрит. Смотреть было не на что.

Бреннан писал мне каждый вечер. Коротко, без смайликов, будто отчитывался перед инспектором по надзору.

«8 сент. Мэл ждала Мэтта после уроков у спортзала. Вай была на тренировке».

«16 сент. Они ругались на парковке у „Данкина“. Мэл ушла пешком».

«18 сент. Мэтт удалил из телефона какую-то переписку. При мне. Сказал, что спам».

«24 сент. Мэл плакала в раздевалке после физры. Девчонки думают, из-за оценок».

«3 окт. Мэтт сказал, что поговорит с Вай после игры. Не поговорил».

Я читал, не отвечал и удалял. Мне не нужно было хранить эти сообщения. Я и так помнил каждое.

Вайолет перестала выкладывать маяк.

Два года, почти каждую ночь. А после того вечера на пляже — ни разу. Я проверял. Второй аккаунт я удалил, а со своего её истории не увидишь. Зато Бреннан был у неё в подписчиках, и каждый вечер, в 23:05, присылал мне одно слово: «Пусто».

Двадцать шесть вечеров подряд.

Она убрала из своей жизни привычку, которой было два года, только потому что я на неё смотрел. Ни Мэтт, ни её отец, ни моя мать ни разу не смогли заставить её что-то сделать. А я смог. Даже пальцем не пошевелив.

Я не знал, как назвать то, что я от этого чувствовал. Мать назвала бы это гордостью. Отец — результатом. Я просто записал это себе где-то внутри, рядом с цифрами.

В октябре похолодало. Сначала по ночам, потом и днём. Ричард достал из гаража обогреватель для веранды, мать — кашемировые пледы и тыквы на крыльцо. Шесть одинаковых тыкв, по три на каждую ступеньку, ровно по центру.

Над солончаками по утрам стоял пар. Трава стала рыжей, потом бурой. Вода в протоках по утрам покрывалась тонкой плёнкой, которая лопалась к обеду.

Ещё не лёд. Но уже близко.

Двадцатого октября мать подала к ужину запечённую утку и объявила, что у неё есть идея.

— Тридцатого Вайолет исполняется восемнадцать, — сказала она и сложила ладони, как будто собиралась молиться. — Это же такая дата! Я подумала: семейный ужин в «Майклсе», Ричард уже говорил с хозяином, нам дадут зал у окна...

— У меня планы, — сказала Вайолет.

— Какие планы, детка?

— Вечеринка у Бреннана. Хэллоуин. Тридцатого.

— Но Хэллоуин тридцать первого.

— А вечеринка тридцатого. После игры.

Мать посмотрела на Ричарда. Ричард посмотрел в тарелку. Это у них было отработано.

— Ну, это же день рождения, — мягко сказал Ричард. — Может, хотя бы...

— Пап. Пожалуйста.

Ричард сдался за четыре секунды. Я посчитал.

Мать поджала губы. Потом повернулась ко мне, и лицо у неё снова стало мягким.

— Адам, дорогой. Ты ведь тоже пойдёшь? Присмотришь там за сестрой?

— Мне не нужна нянька, — сказала Вайолет.

Она сказала это матери. Но смотрела на меня. Впервые за шесть недель прямо, в упор, без опоздания на полсекунды.

— Я пойду, — сказал я.

Вайолет со стуком положила вилку и ушла наверх. Её дверь хлопнула. Мать вздохнула. Ричард сказал, что утка изумительная.

Девять дней. Когда-то хлопок двери стоил мне девяти дней тишины.

В её доме за это не платили ничего.

Ночью двадцать девятого Бреннан прислал последнее сообщение.

«мэтт сказал мэл что завтра всё решит. раз и навсегда. не знаю что это значит. крейн я больше ничего не должен понял?»

Я перечитал его один раз. Потом удалил.

Раз и навсегда.

Я знал, что это значит. Мэтт тоже знал, хотя ещё не понимал. Такие, как он, никогда ничего не решают. За них всё решает третья стопка.

Я встал и подошёл к окну. Подъездная дорожка, гараж, шесть тыкв на крыльце. Над солончаками висела луна, белая и неподвижная.

Впервые за полгода я не знал точно, что будет завтра.

И мне это нравилось.

Под утро на солончаках ударил первый заморозок. Я видел, как бурая трава у протоков к рассвету стала белой.

Вода в трещине замёрзла.

Глава 10

На викторианском языке цветов синяя фиалка означала верность. Букетик фиалок, приколотый к лацкану, читался без слов: «Я всегда буду верен». А ещё в 1584 году в одном английском стихотворении об этом сказали прямо: фиалка — для верности.

Мне исполнилось восемнадцать в шесть сорок пять утра, под визг блендера.

— С днё-ё-ём рожде-е-енья тебя-я-я! — пела Элеонора, держа перед собой торт с восемнадцатью свечками. Она была в шёлковом халате и с идеальной укладкой. В шесть сорок пять утра.

Отец стоял рядом и подпевал, фальшиво и громко, как пел мне каждый год, сколько я себя помнила. Раньше они с мамой пели дуэтом. Мама попадала в ноты за двоих.

Я задула свечи с первого раза. Желание загадывать не стала.

— А теперь подарок! — отец протянул мне коробку, перевязанную серебристой лентой. — От нас обоих.

— Я выбирала цвет, — вставила Элеонора.

Внутри был фотоаппарат. Серебристый «Фуджи», с маленьким объективом и колёсиками на корпусе, как у старых плёночных. Я хотела его с весны. Говорила об этом отцу один раз, вскользь, за ужином, ещё до того, как в нашем доме появились фарфоровые лошади.

Он запомнил.

— Пап, — сказала я, и голос у меня предательски дрогнул. — Пап, это...

— Будешь снимать свой маяк, — он поцеловал меня в макушку. — По-настоящему, а не на телефон.

Я обняла его так крепко, что он охнул. Потом, после секундной паузы, обняла и Элеонору. Она пахла пудрой и чем-то цветочным. Она была счастлива. Это было видно.

Ладно. Сегодня можно.

Байка у гаража уже не было. Адам уехал ещё до шести.

Я надела чёрное платье-свитер до колен, грубые ботинки и накрасила губы тёмной помадой. Ровно столько праздника, сколько я могла сегодня вынести. Фотоаппарат положила в рюкзак, завернув в шарф.

Мэтт заехал ровно в семь тридцать. Ключи ему вернули ещё в сентябре.

— С днём рождения, детка! — он перегнулся через пассажирское сиденье и чмокнул меня в щёку. — Восемнадцать! Ты теперь старуха!

— Спасибо.

— Вечером будет сюрприз, — он подмигнул. — Бреннан всё устроил.

Он болтал всю дорогу через солончаки. Про игру, про Эймсбери, про то, что тренер опять перестроил защиту. Я смотрела в окно. Трава вдоль протоков была белой от инея, и над водой висел пар.

Мне ни с того ни с сего стало холодно.

В школе мой шкафчик оказался обклеен воздушными шарами. Золотыми и бордовыми, конечно же. Посередине висела огромная цифра «18» из фольги, а под ней кто-то приклеил мою фотографию из девятого класса, где у меня брекеты и чёлка.

— Сюрпри-и-из! — Руби выпрыгнула из-за угла с хлопушкой и обсыпала меня конфетти.

— Я убью тебя за эту фотку, — сказала я.

— Ты меня не убьёшь, потому что я тебя люблю и потому что у меня для тебя есть торт. Вечером. С бенгальскими огнями.

Весь день меня поздравляли. Человек сорок, не меньше. Тридцать пять из них я знала только по фамилии. Девчонки из команды поддержки обнимали меня так, будто мы дружили с детского сада. Парни из «Клипперс» по очереди хлопали меня по спине и орали «Брукс,

восемнадцать!» на весь коридор. На большой перемене Мэтт встал на колено посреди столовой и вручил мне восемнадцать красных роз. Пол-столовой снимало это на телефоны. Кто-то свистел.

Я улыбалась. Благодарила. Нюхала розы.

И всё это время меня не отпускало странное чувство. Как будто я стою на сцене, а все вокруг играют в спектакле, сценарий которого мне забыли выдать.

Слишком много внимания к моей персоне. Слишком много улыбок. Слишком.

Мэллори поймала меня у шкафчика после шестого урока.

— С днём рождения, Вай, — она обняла меня и сунула в руку маленькую коробочку. — Это браслет. Ничего такого. Просто... ты же знаешь.

— Спасибо, Мэл.

Глаза у неё снова были красными.

Амброзия, — подумала я по привычке. И впервые сама себе не поверила.

Вечером «Клипперс» играли с «Тритоном». Было так холодно, что изо рта шёл пар, а Руби притащила на трибуну плед и термос с горячим шоколадом, в который тайком плеснула что-то из маминого бара. Мы выиграли. Мэтт сделал один тачдаун и показал на трибуну, на меня. Все обернулись. Я помахала.

После финального свистка он прибежал к ограждению, весь в поту и траве, и чмокнул меня в щёку через сетку.

— Поехали, именинница. Нас ждут.

Дом Бреннана светился над рекой, как новогодняя ёлка. На причале горели тыквы с вырезанными рожами, на перилах висела фальшивая паутина, у входа стоял скелет в бейсболке «Клипперс». Внутри было человек двести. Кто-то пришёл в костюме, кто-то нет. Три вампира, две медсёстры в крови, Человек-паук, какой-то парень в надувном динозавре, который не пролезал в дверь кухни. Бреннан нарядился пиратом и уже потерял повязку.

Я пришла без костюма. Мне хватало моего лица.

Когда я вошла, музыка оборвалась, и весь дом заорал «С днём рождения!». Руби вынесла торт с бенгальскими огнями. Я задула свечи второй раз за день. И второй раз ничего не загадала.

Потом всё пошло как обычно. Музыка, бир-понг, шоты у кухонного острова. Только на этот раз Бреннан раздавал не только шоты. У него в кармане пиратского камзола был пакетик с какими-то таблетками. «Для настроения», — подмигивал он. Я видела, как Мэтт взял одну и запил пивом.

— Мэтт, — сказала я.

— Да ладно, Вай, сегодня праздник! — он поцеловал меня в висок. — Расслабься хоть раз в жизни.

Рокот байка я снова узнала сквозь музыку.

Адам вошёл без костюма. Чёрная футболка, джинсы, кожаная куртка. Он нашёл меня взглядом сразу, через всю гостиную, будто знал, где я стою. Подошёл. Остановился в шаге.

— С днём рождения, Брукс.

Больше ничего. Ни объятий, ни поцелуя в щёку, ни «ты теперь старуха». Только три слова и взгляд, от которого мне почему-то стало трудно стоять ровно.

— Спасибо, Крейн.

Он кивнул и ушёл к стене. Кто-то сунул ему банку колы.

Через час я поняла, что давно не видела Мэтта.

Его не было у кухонного острова. Не было у бир-понга. Не было на причале, где ребята из команды пускали в реку бумажные фонарики. Руби танцевала с парнем из команды по плаванию и только махнула мне рукой. Бреннан не знал. Или сделал вид, что не знает.

Мэллори тоже нигде не было.

Я стояла посреди гостиной с бокалом, в котором плескалось что-то розовое, и вдруг вспомнила.

Бреннан дал мне ключ от гостевой. Наверху. Там никого.

Я поставила бокал прямо на пол и пошла наверх.

На втором этаже было тише. Музыка доносилась снизу глухо, как через вату. В конце коридора была закрытая дверь. Из-под неё пробивалась полоска света.

Я подошла и уже подняла руку, чтобы постучать, когда услышала голоса.

— ...ты обещал! — Мэллори почти кричала. — Ты обещал, что скажешь ей сегодня!

— В её день рождения? Ты совсем больная?

— А мне каково, Мэтт? Мне?! Три месяца! Три месяца я улыбаюсь ей в лицо! Дарю ей браслеты! Обнимаю её!

— Тише, блять!

— Не буду я тише! Ты говорил, что расстанешься с ней ещё в сентябре! Ты говорил, что тебе с ней холодно!

Я перестала дышать.

Где-то внизу грохнула музыка. Кто-то засмеялся. В коридоре пахло чужими духами и пивом.

Три месяца.

Амброзия.

Я ударила в дверь кулаком. Раз. Два. Три.

Голоса стихли. Потом щёлкнул замок, и дверь открылась.

На пороге стояла Мэллори. Тушь размазана до подбородка. Увидев меня, она стала белой, как простыня.

— Вай...

Я отодвинула её плечом и вошла.

Мэтт сидел на краю кровати. Волосы торчат, зрачки во всю радужку от таблеток Бреннана. Он поднял на меня глаза и попытался улыбнуться.

— Детка. Это не то, что ты думаешь.

Что-то внутри меня лопнуло. С таким звуком, с каким лопается лёд на протоках в марте.

На комоде у двери стояла ваза. Высокая, синяя, наверняка дорогая, мама Бреннана такими заставила весь дом. Я схватила её и швырнула. Мэтт пригнулся, и ваза разлетелась о стену у него над головой.

— Не то?! — заорала я. — Не то, что я думаю?!

Следом полетела настольная лампа. Шнур выдрал розетку из стены, лампочка лопнула, и в комнате стало наполовину темно. Потом книга. Потом его телефон с тумбочки. Потом мои восемнадцать красных роз, которые он зачем-то притащил сюда и бросил на кресло. Я лупила его этим веником, и лепестки летели во все стороны.

— Вай, Вай, прости! — Мэллори рыдала у меня за спиной. — Прости, пожалуйста, я не хотела, оно само...

Я развернулась к ней.

— Само?! С шестого класса, Мэл! С шестого, мать твою, класса! Ты держала мне волосы, когда меня рвало на выпускном восьмого класса! Ты спала у меня, когда умерла мама! Ты!

Она сползла по стене на пол и закрыла лицо руками.

— Вай, послушай, — Мэтт поднялся, пошатываясь. — Это ничего не значит... Вообще ничего...

— Три месяца, Мэтт! Я слышала! Три месяца!

— А что мне было делать?! — вдруг заорал он в ответ, и лицо у него стало красным и чужим. — Ты сама виновата! Ты хоть раз была со мной по-настоящему?! Вечно холодная! Вечно твоё «не сейчас»! Полтора года, Вай! Любой бы на моём месте...

Я ударила его. Ладонью, по лицу. Со всей силы.

Он схватил меня за запястье. Больно, так что хрустнули косточки.

— Не смей, — прошипел он мне в лицо. От него несло пивом и чем-то химическим. — Не смей меня бить.

В дверях уже толпились люди. Я видела их краем глаза: десяток лиц, и все с телефонами. Красные огоньки камер. Кто-то ахнул. Кто-то хихикнул.

А потом толпа в дверях раздвинулась, будто её разрезали ножом.

Адам вошёл в комнату. Он не торопился. Посмотрел на разбитую вазу. На лепестки на ковре. На Мэллори на полу. На руку Мэтта у меня на запястье.

Потом на меня.

Не знаю, что он увидел у меня на лице. Но его собственное лицо стало абсолютно пустым. Таким пустым, каким я его ещё никогда не видела.

— Отпусти её, — сказал он.

Тихо. Очень тихо.

Мэтт отпустил. И ухмыльнулся.

— О, братец! Ну, конечно. Иди нахрен, Крейн, это не твоё де...

Адам ударил его.

Я никогда в жизни не слышала такого звука. Глухой, влажный хруст, будто кто-то наступил на сырую ветку. Голова Мэтта мотнулась в сторону, изо рта брызнуло красным, и что-то маленькое и белое отскочило на ковёр, к моим ботинкам.

Зуб.

Мэтт пошатнулся, но не упал. Взревел и кинулся на Адама с кулаками, вслепую, всей своей тушей.

Адам даже не отступил. Перехватил его руку в воздухе, развернул и дёрнул вниз и в сторону. Коротко, точно, будто делал это много раз.

Хрустнуло ещё раз. Громче.

Мэтт закричал. Высоко, по-девчачьи. Рухнул на колени, прижимая к себе руку, которая теперь была согнута там, где сгибаться не должна. Изо рта у него текла кровь вперемешку со слюной.

Мэллори с визгом подползла к нему по ковру, по осколкам, по лепесткам. Обхватила его, зарыдала в голос.

— Мэтт! Мэтт, господи! Кто-нибудь, вызовите скорую!

Красные огоньки камер в дверях горели, не мигая.

Адам повернулся ко мне. На костяшках правой руки у него была кровь. Не его.

— Пошли, — сказал он.

И протянул мне руку.

Я не помню, как мы спускались по лестнице. Помню только его ладонь, сухую и горячую, и то, как толпа расступалась перед нами. Помню чьё-то «охренеть» и вспышку телефона прямо в лицо. Помню холод на улице, такой резкий, что обожгло лёгкие.

Он надел на меня шлем. Тот самый, чёрный, матовый, моего размера. Застегнул ремешок у меня под подбородком, потому что у меня тряслись пальцы. Накинул мне на плечи свою куртку.

— Держись, — сказал он.

Я обхватила его и уткнулась шлемом ему в спину.

И заплакала.

Под шлемом можно плакать сколько угодно. Никто не видит, никто не слышит. Ветер воет так, что заглушает всё. Я ревела, как маленькая, захлёбываясь, с соплями. Внутри было всё сразу, и всего было слишком много.

Мэтт. Полтора года. «Ты теперь старуха». Восемнадцать красных роз на глазах у всей столовой.

Мэл. С шестого класса. Её пижама с пингвинами в моём шкафу. Её браслет у меня в рюкзаке. Её красные глаза каждое утро.

Амброзия. Чёрта с два это была амброзия.

Все, кто сегодня меня поздравлял. Все знали? Бреннан знал. Наверняка знал. Половина команды знала. Они хлопали меня по спине и орали «Брукс, восемнадцать!», а сами знали.

Злость. Стыд. Пустота. И снова злость, такая, что хотелось сорвать шлем и орать в темноту над солончаками.

Я держалась за Адама так, что у меня немели пальцы. Он вёл ровно, спокойно. Его спина была единственным, что сейчас не врало.

Мы проехали поворот к нашему дому. Я заметила это не сразу, только когда справа мелькнули шесть тыкв Элеоноры на крыльце и остались позади.

Он увёз меня дальше, на самый север острова. Туда, где кончалась дорога, где за дюнами начинался старый каменный волнорез и где над водой стоял маяк. Не с нашей стороны, откуда его видно с террасы. С другой. Здесь не было ни домов, ни фонарей. Только песок, чёрная вода и луч.

Адам заглушил мотор. Тишина ударила по ушам.

Я слезла с байка и стянула шлем. Лицо было мокрым и горело от ветра. Тушь, наверное, размазалась хуже, чем у Мэллори.

Да плевать.

Над нами прошёл зелёный луч. Осветил песок, волнорез, Адама, который так и сидел на байке, глядя на меня. И ушёл в океан.

— Ты сломал ему руку, — сказала я. Голос был чужим, сиплым.

— Да.

— И челюсть.

— Возможно.

— Там было двадцать человек с телефонами. Это видео уже у всех.

— Пусть.

— Тебя могут посадить, Крейн.

— Он схватил тебя за руку, — сказал Адам. — Двадцать человек с телефонами это сняли.

Я посмотрела на своё запястье. Там уже наливались красные пятна от пальцев Мэтта.

Адам слез с байка и подошёл. Взял мою руку. Медленно, осторожно, будто она стеклянная. Повернул запястьем к свету. Провёл большим пальцем по красным отметинам.

Луч прошёл над нами снова, и я увидела его лицо.

Он смотрел на мою руку так, будто хотел вернуться в тот дом и доломать Мэтту вторую.

— Он сказал, что я сама виновата, — сказала я.

— Он соврал.

— Он сказал, что со мной холодно.

Адам поднял глаза.

— Он ничего про тебя не знает. Он полтора года смотрел на тебя и ни разу не увидел.

— А ты увидел?

— Да.

Просто «да». Без паузы. Без усмешки.

Ветер трепал мне волосы, бросал их в лицо. Я не убирала. Он смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел. Ни Мэтт, ни кто-то до него. Не на губы, не на платье. Мне в глаза. Будто там было что-то, что он искал очень долго и наконец нашёл.

Мэтт никогда на меня так не смотрел. Ни разу. Ни одного раза за полтора года.

— Ты пугаешь меня, Крейн, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда почему мне с тобой не страшно?

Он не ответил.

Луч ушёл в океан. Стало темно. Совсем, только звёзды и белая пена у волнореза.

И я его поцеловала.

Сама. Схватила за ворот футболки, потянула вниз, встала на цыпочки и поцеловала. Зло, жадно, со всей той яростью, что ещё кипела у меня внутри. Будто хотела стереть с себя весь этот вечер. Мэтта, Мэл, красные огоньки камер.

Адам замер.

На секунду. На одну бесконечную секунду он стоял неподвижно, и я подумала, что сейчас он меня оттолкнёт. Что я идиотка. Что я всё не так поняла.

А потом он ответил.

Его ладонь легла мне на шею, под волосы. Вторая — на спину, поверх куртки, и прижала меня к нему так, что у меня перехватило дыхание. Он целовал меня медленно. Сначала медленно. Так, будто у нас была целая ночь и ещё одна сверху. Будто он учил наизусть каждую секунду.

У него были холодные губы и горячее дыхание. Он был на вкус как соль с океана и кола.

Я вцепилась в его футболку обеими руками. Луч маяка снова прошёл над нами, и я видела его сквозь закрытые веки, зелёное пятно в темноте.

Мэтт целовал меня так, будто ставил галочку. Сделано. Следующий пункт.

Адам целовал так, будто это было единственное, ради чего он вообще дышит.

Он оторвался первым. Прижался лбом к моему лбу. Дышал тяжело, рвано. Впервые с того дня, как я его увидела, Адам Крейн дышал неровно.

— Ты завтра пожалеешь, — сказал он хрипло.

— Заткнись, Крейн.

И потянула его обратно. Он выдохнул с тихим стоном.

Второй поцелуй был совсем другим. Голодным. Он больше не сдерживался. Целовал меня так, что у меня подгибались колени, и я цеплялась за его плечи, чтобы не упасть. Его пальцы запутались у меня в волосах. Мои — у него. Кожаная куртка соскользнула с моих плеч на песок, и никто из нас даже не заметил.

Мне больше не было холодно.

Мне вообще больше ничего не было надо, кроме него. Ни Мэтта, ни Мэл, ни двухсот человек в доме над рекой. Только его руки, его дыхание, рокот прибоя у волнореза и зелёный свет, который каждые несколько секунд выхватывал нас из темноты и снова отпускал.

В кармане куртки на песке завибрировал телефон. Мой или его, я не знала. Потом ещё раз. Потом снова и снова, без остановки.

Видео, поняла я краем сознания. Уже разлетелось.

Плевать.

Не знаю, сколько это длилось. Минуту. Час. Когда мы наконец оторвались друг от друга, у меня горели губы, а ноги были ватными. Адам не отпускал. Держал моё лицо в ладонях и смотрел на меня так, будто боялся, что я исчезну.

И тут в голове у меня что-то щёлкнуло.

Вторник. Первый день в школе. «Ты уехал сразу за Мэттом». Бумажник с правами, которые никто не терял.

Пляж. «Однажды ты сама скажешь мне спасибо».

Я отстранилась. Совсем немного. Ровно настолько, чтобы видеть его глаза.

— Ты знал, — сказала я.

Это был не вопрос.

Он мог соврать. Я видела, как он это умеет. Спокойно, ровно, глядя в глаза.

— Да, — сказал он.

— С какого времени?

— С первого дня.

Над нами прошёл луч. Я видела его лицо очень ясно, каждую чёрточку. Он не отвёл взгляда.

С первого дня. Два месяца. Два месяца он смотрел, как Мэтт целует меня у шкафчиков. Как Мэл обнимает меня и дарит браслеты. Как я хлопаю на трибуне и машу рукой.

Смотрел. Знал. И молчал.

Ждал.

— Спасибо, — сказала я.

И ударила его по лицу.

Звонко, со всей силы, так, что заныла ладонь. Его голова дёрнулась в сторону. На скуле проступил красный след от моих пальцев.

Он медленно повернулся ко мне обратно.

И улыбнулся.

По-настоящему. Не той ровной, вежливой улыбкой, которую он показывал отцу за ужином. Другой. Тёмной. Такой, от которой у меня по спине побежали мурашки, а сердце ухнуло куда-то в живот.

Я впервые видела, как он улыбается.

Луч маяка ушёл в океан.

Раз. Два. Три.

На счёт «три» я поцеловала его снова.

Глава 11

Канадский журавль не убегает от хищника, который подбирается к его гнезду. Он идёт навстречу: раскрывает крылья и направляет клюв прямо на врага. Если тот не отступает, журавль шипит, бьёт ногами и наносит удары острым клювом.

Я заглушил мотор у забора Бреннана в 22:41.

Трава на газоне уже побелела от инея, изо рта шёл пар. Дом светился над рекой всеми тремя этажами. У входа стоял скелет в бейсболке «Клипперс», и кто-то сунул ему в костлявую руку банку пива.

Её шлем я пристегнул к сиденью ещё днём. На всякий случай.

Я не верю в случай.

Пульс шестьдесят четыре. Я спал два часа, но голова была ясной, как никогда. «Раз и навсегда», — написал Бреннан ночью. Я перечитывал эти три слова весь день. На информатике, в столовой, на трибуне во время игры. Они сидели у меня в голове, как заноза, которую не хочется вытаскивать.

Внутри было человек двести. Вампиры, медсёстры в бутафорской крови, динозавр, застрявший в проёме кухни. Музыка била в стёкла.

Её я нашёл сразу. Как всегда.

Она стояла посреди гостиной без костюма, в чёрном платье, с тёмной помадой на губах. Вокруг неё смеялись, хлопали её по плечу, кричали «с днём рождения!». А она была одна. Я видел это даже через всю комнату. Так бывает, когда человек стоит в толпе, а в голове у него совсем другое место.

Я подошёл.

— С днём рождения, Брукс.

— Спасибо, Крейн.

Обнимать её я не стал. Если бы обнял, то уже не отпустил бы. Прямо там, посреди гостиной, на глазах у двухсот человек и у её парня.

Я ушёл к стене. Кто-то сунул мне колу. Я открыл её и стал смотреть.

Мэтт пил у кухонного острова. Я видел, как Бреннан, пират без повязки, сунул ему что-то из кармана камзола. Мэтт запил таблетку пивом и засмеялся.

Хорошо. Очень хорошо.

В 23:12 Мэллори поднялась по лестнице на второй этаж. Одна. Через три минуты за ней поднялся Мэтт. Оглянулся на лестнице, проверяя, видит ли кто-нибудь.

Видел я.

Я мог остановить это в любую секунду. Подойти к Вайолет, наклониться и сказать на ухо: «Гостевая. Второй этаж. Сейчас». Это заняло бы пять секунд.

Я не подошёл.

Если бы она узнала от меня, она бы мне не поверила. А если бы поверила, то возненавидела бы меня, а не его. Так бывает с теми, кто приносит плохие новости. Мне нужно было другое. Мне нужно было, чтобы она увидела сама.

Я ждал сорок семь минут.

В 23:59 она поставила бокал прямо на пол и пошла наверх. Я пошёл следом. Не быстро. Встал на лестнице, двумя ступенями ниже второго этажа.

Я слышал, как она стучит. Три удара. Слышал щелчок замка.

Потом — грохот. Что-то тяжёлое разбилось о стену. Потом её голос.

Она кричала так, что внизу стало тише музыки. Люди уже бежали по лестнице мимо меня, на ходу доставая телефоны.

Я не торопился. Она имела право на свою ярость. Я не собирался отнимать у неё ни одной секунды.

А потом из комнаты донёсся его голос. «Не смей меня бить».

Я пошёл.

Толпа в дверях расступилась. Я даже не помню, чтобы кого-то толкал.

Ваза на полу. Лампа без абажура. Лепестки роз по всему ковру. Мэллори у стены на полу. И Мэтт. Его пальцы у неё на запястье. Сжатые так, что у него побелели костяшки.

Всё лишнее исчезло. Музыка, люди, красные огоньки камер. Осталась только его рука на её руке и расстояние до него. Четыре шага.

Я посмотрел на неё.

Лицо у неё было белым. Губы дрожали. Тушь потекла. Но смотрела она не на меня и не на Мэтта. Куда-то сквозь стену, будто там было что-то, во что она больше не могла поверить.

Он сломал её. Не руку. Что-то другое. Что-то, что ломать имел право только я.

— Отпусти её, — сказал я.

Он отпустил. И ухмыльнулся.

— О, братец! Ну, конечно. Иди нахрен, Крейн, это не твоё де...

Я ударил его в челюсть. Снизу и сбоку, туда, где кость тоньше всего.

Хруст я почувствовал костяшками раньше, чем услышал. Голова у него мотнулась, изо рта брызнуло, и на ковёр, прямо к её ботинкам, отлетел зуб.

Мэтт не упал. Футболисты падают плохо, их этому годами отучают. Он взревел и кинулся на меня всем весом, вытянув правую руку вперёд.

Эту руку я ломал с апреля.

Каждый раз, когда он клал её ей на плечо на фотографиях. Каждый раз, когда писал под её постами «моя детка». Каждый раз, когда целовал её у шкафчиков. Я ломал её в голове сотни раз. Перед сном, в душе, на трассе на ста шестидесяти.

В жизни это оказалось проще.

Я перехватил его кисть, развернул и дёрнул вниз и в сторону. Коротко, всем весом.

Кость хрустнула громче, чем челюсть.

Он закричал, тонко и высоко, и рухнул на колени. Рука у него была согнута в другую сторону. Мэллори завизжала и поползла к нему по осколкам.

Мне было хорошо.

Я не буду врать. Мне было так хорошо, как, наверное, не было никогда в жизни. Ровный пульс. Ясная голова. И тихое, глубокое удовольствие где-то в груди. Как будто я наконец почесал место, которое чесалось полгода.

Красные огоньки камер горели в дверях. Двадцать штук, не меньше.

Пусть снимают. Каждое из этих видео начнётся с его руки на её запястье.

А через час Мэтт будет в больнице с переломом и выбитым зубом. Ему сделают рентген. Возьмут кровь. И найдут в ней то, что Бреннан раздавал из пиратского камзола.

И Бреннан снова будет бояться. Это тоже полезно.

Я повернулся к ней.

— Пошли.

И протянул ей руку.

Она взяла её не сразу. Секунду смотрела на мою ладонь, на кровь на костяшках. Чужую кровь. Потом взяла.

Пальцы у неё были ледяные и мелко дрожали.

Мы шли вниз через двести человек, и они расступались, будто мы были заразными. Кто-то сказал «охренеть». Кто-то ткнул ей в лицо телефоном со вспышкой. Я посмотрел на него, и он опустил телефон.

У забора я надел на неё шлем. Её пальцы не справлялись с застёжкой, и я застегнул её сам. Накинул ей на плечи свою куртку.

— Держись.

Она обхватила меня руками и уткнулась шлемом мне в спину.

И заплакала.

Я понял это не сразу. Сначала просто чувствовал, как она дрожит мелко и часто. Потом она начала всхлипывать, и это было слышно даже через рёв двигателя и ветер.

Она плакала у меня за спиной, а я был счастлив.

Абсолютно, неуместно, до звона в ушах счастлив.

Мне было бы стыдно, если бы я умел.

Её парня больше не было. Её подруги больше не было. Её красивой школьной жизни с шарами на шкафчике и розами на колене больше не было. Всё, что у неё сейчас было, — это я и дорога.

Мимо нашего поворота я проехал, не сбрасывая скорость. Шесть тыкв на крыльце мелькнули справа и пропали.

Я знал, куда еду. Это место я нашёл ещё в начале сентября, в те выходные, когда пропадал из дома. Северный край острова, где кончается дорога и начинается старый волнорез. Маяк отсюда видно с обратной стороны. Сюда не доезжают даже рыбаки.

Я заглушил мотор. Она слезла и стянула шлем. Лицо у неё было мокрым, в чёрных разводах туши. Волосы спутались от ветра.

Она никогда ещё не была такой красивой. Сейчас, разбитая, на холодном песке, в моей куртке, с покрасневшими глазами.

Я не сказал ей этого. Это было бы неправильно сейчас.

Она говорила про руку, про челюсть, про видео, про полицию. Я отвечал. Коротко, спокойно, правду. Потом взял её за запястье и повернул к свету маяка.

На коже уже проступали красные пятна. Четыре. От его пальцев.

Я провёл по ним большим пальцем, и мне захотелось вернуться в тот дом. И сломать ему вторую.

— Он сказал, что я сама виновата.

— Он соврал.

— Он сказал, что со мной холодно.

— Он ничего про тебя не знает. Он полтора года смотрел на тебя и ни разу не увидел.

— А ты увидел?

— Да.

Она смотрела на меня. Ветер бросал ей волосы в лицо, а она их не убирала. Как тогда, на террасе, в первый день.

— Ты пугаешь меня, Крейн.

— Я знаю.

— Тогда почему мне с тобой не страшно?

Я не ответил. Я не знал ответа. Впервые за очень долгое время я чего-то не знал.

Луч ушёл в океан. Стало темно.

И она меня поцеловала.

Я не ждал этого. Не сегодня, не здесь. И уж точно не так, что первой окажется она.

Я замер.

На одну секунду. Потому что не верил. Потому что в голове у меня вдруг стало совершенно пусто, а такого со мной не бывает никогда.

Потом я ответил.

Положил ладонь ей на шею, под волосы. Кожа там была тёплой, единственное тёплое место на всём этом холодном берегу. Второй рукой прижал её к себе. Она была лёгкой и вся дрожала, и я чувствовал эту дрожь своим телом.

Я целовал её медленно. Специально. Я хотел запомнить. Каждую секунду. Её губы были холодными от ветра. На них осталась помада, гладкая, с горьковато-сладким привкусом, и соль. От океана или от слёз, я не знал. Мне было всё равно.

Теперь я знал её вкус.

И этого было мало.

Я оторвался первым. Потому что ещё секунда, и я перестал бы думать совсем, а думать мне сейчас было нужно. Прижался лбом к её лбу. Дышал так, будто пробежал от дома Бреннана до маяка. Впервые в жизни я не мог выровнять дыхание.

— Ты завтра пожалеешь, — сказал я. Голос был не моим.

— Заткнись, Крейн.

И потянула меня обратно.

Тут меня и сорвало.

Я выдохнул ей в губы, и звук получился такой, какого я сам от себя никогда не слышал. Больше я не сдерживался. Целовал её так, как хотел, жадно и глубоко, и она отвечала так же. Её пальцы запутались у меня в волосах и тянули, почти больно. Мне это нравилось. Куртка соскользнула с её плеч на песок, и никто из нас не стал её поднимать.

Тело хотело большего. Всего и сразу. Здесь, на этом песке, под этим маяком.

Я не позволил себе. Не сегодня. Не тогда, когда у неё на запястье пятна от чужих пальцев.

Но я понял одну вещь. Очень ясно, как понимаешь, что на трассе впереди лёд.

В этом мире больше нет ничего, чего я хотел бы сильнее, чем её. Ни денег отца, ни свободы от матери, ни скорости. Ничего.

У этого есть название. Я знал это слово давно, читал его в книгах, слышал от психотерапевта, к которому мать водила меня в двенадцать лет. Я всегда думал, что это слово про других.

Одержимость.

Я назвал его про себя. Спокойно. Как называют диагноз.

И не почувствовал ничего, кроме облегчения.

В кармане куртки на песке вибрировали телефоны. Мой и её. Я не обращал внимания.

Потом она отстранилась, совсем немного. Посмотрела мне в глаза.

— Ты знал.

Я мог соврать. Я умею. Она это знала.

— Да.

— С какого времени?

— С первого дня.

Она смотрела на меня долго. Я видел, как у неё в голове складываются кусочки. Вторник. Бумажник. Пляж. «Однажды ты сама скажешь мне спасибо».

— Спасибо, — сказала она.

И ударила меня по лицу.

Хорошо ударила. Честно, со всей силы, с правой. Голова у меня дёрнулась, скулу обожгло.

Я повернулся обратно. И улыбнулся.

Не так, как улыбаюсь Ричарду. Не той улыбкой, которую выучил у матери в прихожей. Это вышло само, откуда-то изнутри. Я даже не знал, что у меня такая есть.

Она смотрела на меня так, будто увидела что-то страшное.

Луч ушёл в океан. Я знал, что она считает.

На «три» она поцеловала меня снова.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, луна стояла уже высоко над волнорезом. У меня горела скула и горели губы. Она стояла, прислонившись спиной к моему байку, и пыталась отдышаться.

— Так, — сказала она. Будто между делом. Будто спрашивала, который час. — Когами — это ты?

Я улыбнулся снова. Второй раз за вечер. Со мной что-то было не так.

— Ты же уже знаешь.

— Хочу услышать.

— Да.

— Нарисованная морда. Японское имя. Подписка на одного человека. — Она покачала головой. — Ты больной, Крейн. Ты в курсе?

— Ищейка, — поправил я.

— Это ещё хуже.

— Ты могла меня заблокировать. В первый же вечер. Одной кнопкой.

Она открыла рот. Закрыла.

— Заткнись.

— Почему не заблокировала, Брукс?

— Потому что хотела знать, кто это. — Она прищурилась. — А когда узнала было поздно.

— Руби думала, что я агент ФБР.

— Откуда ты знаешь, что думала Руби?

Я промолчал.

— Господи, — она закрыла лицо руками. Плечи у неё затряслись, и я не сразу понял, что она смеётся. — Господи. Мне восемнадцать лет, и я целуюсь на пляже с собственным сталкером.

— Сводным сталкером, — сказал я.

Она засмеялась в голос. Хрипло, устало, сквозь недавние слёзы. Я ни разу не слышал, как она смеётся вот так, по-настоящему. Не для Мэтта, не для столовой, не для трибуны.

Я запомнил этот звук. Положил его туда же, к жестянке с крошками табака.

Потом я поднял с песка куртку и достал телефоны.

Её экран не гас. Сообщения шли сплошной лентой, одно за другим, и не успевали догружаться. Руби: «ВАЙ ГДЕ ТЫ». Руби: «ты в порядке???». Руби: «я видела видео, господи». Неизвестный номер. Ещё один. Уведомления из инстаграма[5]: её отметили в двадцати трёх публикациях. На превью одной из них я увидел собственный кулак.

Пропущенные. «Папа» — четырнадцать. «Элеонора» — шесть.

Мой был спокойнее. Тридцать семь уведомлений. Чат класса, где за последний час написали больше, чем за весь сентябрь. Три видео, которые мне переслали незнакомые люди.

Бреннан: *«мэтт в больнице в ньюберипорте. рука и челюсть. его предки едут из бостона»*

Бреннан: *«крейн тут копы»*

Бреннан: *«я никому ничего не говорил слышишь???»*

И пропущенные от матери. Девять.

Последним было сообщение. Одно слово.

«Домой.»

С точкой.

Мать никогда не ставит точки в сообщениях. Ни разу за девятнадцать лет. Она пишет «дорогой» и три сердечка. Она пишет «скучаю» и смайлик.

---

[5] * Социальная сеть Instagram принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Точку она ставит, когда всё уже решила.

Я убрал телефон в карман. Вайолет смотрела на меня, держа свой в руке, и экран подсвечивал ей лицо снизу.

— Что там? — спросила она.

— Нас ждут.

Я протянул ей шлем.

Глава 12

Дикую фиалку почти невозможно вывести с газона. Её листья покрыты толстым восковым слоем, который мешает гербициду проникнуть внутрь. А под землёй она прячет крепкие корневища: даже если уничтожить всё, что на поверхности, она отрастает снова. Садовникам иногда приходится бороться с ней годами.

Я не взяла шлем.

Стояла на холодном песке, смотрела на экран телефона и не могла заставить себя поднять руку.

Видео. Ещё одно. И ещё. Кто-то снимал с порога, кто-то с кровати, кто-то, кажется, вообще из коридора, через чужие головы. На всех было одно и то же: Мэтт хватает меня за запястье, Адам входит, удар, кровь, Мэтт на коленях воет, прижимая к себе руку.

Двадцать три отметки. Сорок семь сообщений. «Папа» — четырнадцать пропущенных. «Элеонора» — шесть.

— Крейн, — сказала я, не отрывая глаз от экрана. — Это нападение.

— Да.

— С тяжкими. Ты выбил ему зуб. Ты сломал ему руку. Челюсть, наверное, тоже.

— Наверное.

— Отец Мэтта — партнёр в юридической фирме в Бостоне. Ты это знаешь? Он будет здесь через час. С адвокатами. С полицией.

— Знаю.

— Тебе девятнадцать, Крейн! Тебя будут судить как взрослого! Это не школьная драка, это...

— Он держал тебя за руку, — сказал Адам.

— И это не перевешивает сломанную руку и выбитый зуб!

— Для меня перевешивает.

Я подняла на него глаза. Он стоял у байка, совершенно спокойный, будто мы обсуждали, где поужинать. В свете экрана его лицо казалось белым, а на скуле всё ещё горел след от моей ладони.

Он ненормальный. Он абсолютно, клинически ненормальный.

И тут меня накрыло.

Не сразу. Сначала просто стало очень тихо внутри, будто кто-то выключил звук. А потом я поняла.

Всё. Моей жизни, той, к которой я привыкла, больше нет.

В понедельник я войду в школу, и на меня будут смотреть все. Девушка, которой изменял капитан «Клипперс». Девушка, из-за которой капитану «Клипперс» сломали руку. Девушка, которая швырялась вазами. Бывшая лучшая подруга Мэллори. Сводная сестра психа.

Мэтта больше нет. Мэл больше нет. Шкафчика с шарами больше нет. Столика в столовой, где мы сидели с девятого класса, больше нет.

А ещё я только что целовалась со своим сводным братом. На пляже. Три раза.

Четыре. Не ври себе, Брукс. Четыре.

И это я его поцеловала. Первой. Сама. Схватила за футболку и потянула вниз. Никто меня не заставлял. Никто не тащил меня на этот пляж силой. Я могла сказать «отвези меня домой» ещё там, у дома Бреннана. Я не сказала.

Молодец. Просто молодец. С днём рождения тебя.

Я посмотрела на него. Он ждал. Терпеливо, как ждал всё это время.

Он был красивым. Это я знала. Чертовски, нечестно красивым. Высокий, плечистый, с этой его тяжёлой челюстью и ямкой на подбородке, с серыми глазами, от которых невозможно

было спрятаться. Руби сказала об этом в первый же день на парковке. А я два месяца делала вид, что не слышала. Что мне всё равно. Что он просто придурок, который испортил мамин ковёр.

Ну и как, получилось, Брукс?

Но это сейчас было не главным.

Главным было то, что ждало нас дома.

Видео они видели. Конечно, видели. Иначе отец не звонил бы четырнадцать раз. И родители Мэтта, скорее всего, уже обрывали телефон отцу. А Элеонора...

Я даже думать не хотела, что сейчас делает Элеонора.

— Что мы им скажем? — спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.